

БЕРЕЗОВЫЙ
ОВРАГ

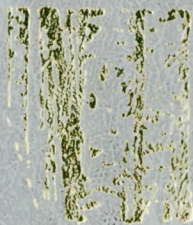
Федор Востриков

БЕРЕЗОВЫЙ
ОВРАГ

ФЕДОР

ВОСТРИКОВ

*Библиотека
Пермской
поэзии*

ФЕДОР ВОСТРИКОВ

БЕРЁЗОВЫЙ ОВРАГ

с т и х о т в о р е н и я

ПЕРМЬ
2000

ББК 84(2Рос-Рус) 6-5
В-78

Оформление А. Н. Горбунов
Фото А. Ердяков
Художник Е. Д. Шелонников

Востриков Ф. С.
Берёзовый овраг. Стихотворения. Пермь

Поэзия Фёдора Вострикова, члена Союза писателей России, лауреата Пермской области в сфере культуры и искусства за книгу «Ветловый затон», известна и дорога не только читателям Прикамья. Его стихи публиковались в Амурской и Архангельской, в Тюменской и Нижегородской областях, в Екатеринбурге и в Биробиджане, в Самаре и в Москве. Многие стихи положены на музыку. В книге «И древняя, и будущая Русь» представлены переводы поэта с азербайджанского. Востриков ведёт литературное объединение «Тропа».

«Берёзовый овраг» - шестнадцатая книга поэта.

«СЕРДЕШНЫЙ ПОЭТ»

Не актёрское это дело - писать предисловие к книгам поэтов. Наше дело читать их стихи со сцены, по радио, на встречах со зрителями, что я и делаю всегда с удовольствием - иногда с большим, иногда с меньшим. К стихам Фёдора Вострикова у меня отношение особое. Как-то пригласили меня на радио почитать стихи неизвестного тогда мне поэта Фёдора Вострикова. Взял тексты. Стал вчитываться и чувствую: забирает, задевает, завораживает, увлекает. Чем дальше - тем больше. И понял, что эти стихи нельзя декламировать. Этими стихами можно разговаривать с самим собой, с друзьями, с любимой женщиной, потому что стихи эти не написаны по поводу или без повода, а выстраданы, пережиты и рождены мукой, болью и любовью. И для актёра, и для читателя всегда интересно то, что если читаешь какие-либо произведения, говоришь сам себе: это он про меня написал, про мои чувства, мои переживания, про мою любовь, про мой род, про мою судьбу. И имя этого человека-поэта, который пишет вот так про каждого из нас - Фёдор Востриков.

Я не претендую на филологическое исследование языка, пусть это делают литературоведы,

а я актёр, человек живущий эмоциями и сердцем. И говорить о Фёдоре буду с позиции эмоции и души. После первого прочтения стихов на радио я попросил редактора передачи, чтобы по возможности все стихи Вострикова давали читать только мне. «Почему?» - удивился редактор. А потому, что я с ним совпадаю, потому что он пишет так, и о том, как чувствую всё я. Фёдор и себя, и всех своих сородичей, соплеменников считает составной частью Руси. Недаром во многих его стихах присутствует такая мысль, что из земли я русской появился и в земле я русской растворюсь. Он часть земли, с её болью, радостью и любовью. А это значит, что земля русская и люди, родившиеся на ней, вечны и бессмертны...

Расскажу один случай: как-то снарядил я посылку любимой теще в Воронежскую губернию, Острогожский район, в хутор Калинин близ села Девица. Положил в посылку томик стихов Фёдора Вострикова с запиской: «Дорогая теща, Полина Фёдоровна! Почитай стихи Фёдора, моего большого друга и большого русского поэта!» Через месяц получаю от тещи посылку с семечками, салом и фасолью и ответную записку: «Михаил, прочитала стихи Фёдора Вострикова. Сердешный он поэт. Я и плакала, и улыба-

лась, и грустила, размышляла о людях русских, о судьбе нашей горькой и о духе нашем великом. Сейчас книги у меня нет, так как пошла она по хутору гулять от избы к избе. И все хуторяне, особенно люди, много пожившие и много испытавшие, переписывают стихи Фёдора в свои заветные тетрадки, а потом книжку дальше передают. Если можно, то вышли книги Фёдора ещё.» Вот такой случай с моей тёщей и стихами Фёдора. Много ли вы знаете поэтов, чьи стихи вот так переписывали бы селяне в заветные тетради и передавали бы их из хаты в хату? И какие самые-пресамые высокие престижные премии и публикации в самых-пресамых престижных изданиях и журналах могут сравниться с этим фактом?! И хоть избиты эти слова, но хочется их здесь сказать, что вот он - настоящий народный поэт!

Я рассказал об этом случае Фёдору. И после этого он послал в село Девицу, в тамошнюю среднюю школу почти полное собрание своих стихов. И книги эти вручаются каждое первое сентября школьной библиотеке, в которую ходят жители села. И библиотекарь на вопрос: «Есть ли у вас стихи Вострикова?» чаще всего отвечает: - «Извините, на руках». Истоки поэзии Фёдора в его глубоких российских корнях, в

широкой русской душе, удали, умению по-русски сострадать и жалеть, терпеть и быть терпимым, любить и прощать. Кольцов, Никитин, Есенин, Рубцов, Жигулин - вот тот ряд поэтов русских, к которым принадлежит поэт Фёдор Востриков! Спасибо, Фёдор, за стихи-исповеди. Береги и дальше души наши.

*Актёр Государственного пермского
академического театра драмы
Михаил Гасенегер*

ЗАВОЛЖЬЕ

I

Заволжье дальнее, родное!
О, как ты в памяти светло!
Звенит во мне травой степною
В рассветах розовых село.
Звенит, горланит петухами...
А я иду с косой в луга.
Встают шлемастыми стогами
Речушки Съезжей берега.
Проснулся ветер и в крушине
Легко листвою прошуршал.
И, словно жёлтые кувшинки,
Утята скрылись в камышах.
Зелёный взор открыло поле,
Трещит кузнечик-чародей.
Бессменный конюх дядя Коля
С ночного гонит лошадей.
Взмахнул косой по травостою -
И в сердце хлынуло тепло...
Заволжье дальнее, родное,
О, как ты в памяти светло!

II

Мне Заволжье дорого и свято
За деревни в золоте хлебов,

За просторы, пахнувшие мятой,
Молодых, полуденных лугов.
За речушку в раме камышовой,
В заводях зарницы перелив,
Летних троп ромашковые брови
И грустинку августовских ив.
Мне Заволжье дорого и свято
От полей до первого плетня.
С этих мест, волнующих когда-то,
Началась Россия для меня.

РОДИНЕ

А время то перед глазами,
Как степь в пучине грозовой.
На медкомиссии сказали:
«Не годен, парень, к строевой».
Не знаю в чём, но виноватым
Себя я чувствовал в пути.
За то, что не был я солдатом
Меня ты, Родина, прости.
Я эту боль землёй родною,
Работой тяжкою лечил.
В лицо дышало солнце зноем,
Как хлеб, что только из печи.
Походкой твёрдою, не шаткой
Я мерил пашни и луга.
И новой строчкой, новой жатвой
Тебе, родная, присягал.

* * *

О Родина!

В осеннем свете дня

Еще дороже твой простор былинный.

Опять, как в детстве, радует меня

Ковыльный воздух.

Хлебный.

И полынный.

Дымы печные

тихого села

Туманом зависают светло-синим...

Я не заметил, как переросла

Любовь от малой родины -

к России!

ЗОВИ К СЕБЕ, РОДИМАЯ ЗЕМЛЯ!

Зови к себе, родимая земля,
Когда тебе и голодно, и тяжело,
Когда разодрана последняя рубашка,
Когда жарою выжжены поля,
Зови к себе, родимая земля.
И, может быть, я чем-то помогу:
Посильным делом, словом иль молитвой.
Бывало ты не раз выигрывала битвы,
Перед врагом не горбилась в дугу.
И, может быть, я чем-то помогу.
Водой живою раны окроплю -
Почувствуешь, родная, облегченье.
И вымолю за власть у Господа прощенье,
И горюшко с тобою разделю.
Водой живою раны окроплю.
Твои береговые тополя
Омоложу росой и дождями.
И зашумят под голосистыми ветрами
Хлебами всполошённые поля...
Зови к себе, родимая земля!

ИСТОКИ

Давай-ка, друг, поедем, полетим
За синий лог, за тёмные дубравы.
Как песнею, себя разбередим
Равниною, настоящей на травах.
Ударят в грудь полынные ветра
Ямщицким свистом, древнерусской волей,
Дыханием крестьянского двора,
Началом нашей невесёлой доли.
И всё ж какой бы доля ни была:
Бесхлебной, горькой, радужной, жестокой -
Душа всегда поистине светла,
Ты возвращаешься к родным истокам.
Никто из нас вовек не позабыл,
Как пахнут материнские ладони,
Как тополя у дедовских могил
Стоят и стынут в дремлющем поклоне.

С ЮБИЛЕЕМ, РОДНОЕ СЕЛО!

От цветов и улыбок светло.
Тонет в музыке улица главная.
С юбилеем, родное село!
С днём рожденья, Черниговка славная!
Много лет прошумело вдали
Табунами летяще-игривыми,
Как в тебя мы хлебами выросли,
Лебедой да плакучими ивами.
С тех полынных времён влюблены
И в штормящую степь, и в безмолвную,
Мы на зорьке тобой рождены
И крещёны кинжальной молнией.
Позади недород и война-
Нами смерть и бессмертие пройдены,
Чтоб жила, как Победа, весна
И большая, и малая Родины!
Чтобы в душах бурлил непокой,
А нужда и безверие - таяли.
И над вольной Глушичкой-рекой
Синь кружила стрижиными стаями.
Ах, как птица поёт на ветле,
В свете взвихренных вод отражается! -

Это значит на русской земле
Хлебопашеский род продолжается. .
Урожайной страдою зовёт,
Зацветая рассветами синими.
Над Черниговкой солнце встаёт -
Это значит встаёт над Россиею!
Хороводят в полях сквозняки,
Налитыми колосьями радуя.
Дай-то Бог Вам добра, земляки,
Дорогие славяне-оратаи!
От цветов и улыбок светло.
Тонет в музыке улица главная.
С юбилеем, родное село!
С днем рожденья, Черниговка славная!

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Боже мой, по траве я иду!
Даже как-то не очень и верится.
И село и река - на виду.
И равнина ромашками светится.
Ах, земля, если можешь, прости,
Что такая уж выпала доля нам:
Все в дороге живём, все в пути,
Но тобой рождены мы и вскормлены.
Мы не смеем о том забывать,
Хоть с какими ни будем замашками.
Ведь навечно в тебе нам лежать,
Прорасти и светиться ромашками.

* * *

По левую сторону - поле,
По правую сторону - лес,
И всюду зелёная воля,
Зовущая в бездну чудес.
Где каждый прохожий свободен,
Как ветер летящий вдали,
Пропахший в размахе угодий
Величьем и славой былин.
Откинув недуги и горе,
А с ними вселенскую грусть,
Впадаю, как реченька в море,
В мою первозданную Русь.
Я молод, бессмертен и волен,
Пока восстают до небес
По левую сторону - поле,
По правую сторону - лес!

* * *

Мне в спину солнце, ветер - в грудь.
Над головой леса клубятся.
Иду в хлеба, чтоб затеряться
И позабыть обратный путь.
Я слишком долго жил не там,
С людьми не с теми пил и звался.
Под звуки медленного вальса
Я припадал не к тем перстам.
А век - безжалостен и строг -
Летит вперёд - не оглянуться.
И дни, как в осень листья, рвутся,
А время подводить итог.
Не обернись тропа петлёй,
Не задохнись до срока, птица.
Успеть бы только повиниться
Перед отцовскою землёй.

КРЕСТЬЯНСКИЙ РОД

От века мой крестьянский род
Широк в кости и крепок духом,
Хотя судьбина в оборот
Брала в достаток и в разруху.
Когда врывалась в дом беда,
Но и в беде хвороб не знали.
А приходила смерть - тогда
На хлебном поле умирали.
Склонялись рожь и васильки,
Угрюмо ивы обступали.
Грудным рыданьем сквозняки
Родных во поле отпевали.
На смену предкам - сыновья,
На сыновьях земля держалась,
И родословная моя,
Не воскресая, продолжалась...
Душа о прошлом не скорбит -
Опять я в далях сокровенных!
И поле росное глядит
Очами предков незабвенных.

ИСТОРИЯ

История - древняя книга -
Вещает нам горькую грусть:
Татаро-монгольское иго
Терзает набегами Русь.
В крови, как в багряном тумане,
Кипела огнём круговерть.
Не плен выбирали славяне,
А битву - победа иль смерть.
Сплотились. Орду победили.
Рассеялся дым на ветрах.
Лежат в Куликовской могиле
И русич хоробрый, и враг.
Но только, где русичи пали,
Воинственные мужики,
На поле из травушки встали,
Как память о них, васильки,
А там, где поганое иго,
Метущее некогда зло,
На чёрных, как туча, кулигах
Татарниками проросло.

КОВЫЛЬНЫЕ ХОЛМЫ

По склонам холмов
Вековечный ковыль
Трясёт бородой белопенной.
Здесь все уживается:
Сказка и быль,
Года, времена и мгновенья.
Коснусь ковыля -
И ветра заревут,
Ветра самого Святослава!
Холмы, словно русичи, вдруг оживут,
Восстанут отвага и слава.
И в душу ворвётся
Великая быль
России моей сокровенной!..
По склонам холмов
Вековечный ковыль
Трясёт бородой белопенной.

РУСЬ

В огне селенья и соборы
И Китеж-град, и стольный град.
Горят славянские просторы,
Окутал землю сущий ад.
Щербатый месяц в жуткой стыни,
Как лист над пропастью, дрожит.
В лесные дебри и пустыни
От стрел татарских люд бежит.
Красна вода в реках великих
И солоней морей от слёз.
Славянок плачущие лики
Бледней израненных берёз.
Донской и Сергей спят в могилах.
Разбой и смута на Руси.
Земля героев не забыла -
Вдовой над ними голосит.
А время тонет в битвах жарких,
И Грозный царь почил давно.
Уснули Минин и Пожарский,
И позади Бородино.
Века летят, но слышно снова,
Как тащут русичей в полон.
Слетают ангелы Рублёва
С его раздумчивых икон.

ВЕЩАЯ РЕКА

Несёт на перетруженной спине
Плоты и баржи, даль и облака.
То припадает ласково к сосне,
То мечется в полоне сквозняка.
Волной ревущей в скалы дерзко бьёт -
В стенаниях заходится душа.
А в полночь ртом бездонным звёзды пьёт,
Сказания купавами шурша.
Поистине замрёшь на берегу,
Когда в сказаньях тризна и гульба,
Когда бегут в дремучую тайгу
Из царских тюрем тать и голытьба.
Сквозь выстрелы разгневанных стрельцов
И вой свинцовых лающих дождей,
Сквозь рык зверей и дикий ор лесов
Услышишь стоны гибнущих людей.
Но вот зацвёл туманами рассвет -
Перемешались годы и века.
Не досказав и не оставив след,
В тумане скрылась вещая река.

ПОЛЮД

Светлане Володиной

Север Урала. Покоит природа
Вековую его старину.
Ходит много легенд по народу,
Как не вспомнить хотя бы одну?
На горе порубежного края,
Где ветра с петухами встают,
Полусонною рощей играя,
Жил хоробрый красавец Полюд.
Добрый молодец солнечен ликом,
Стае вражеской наперекор,
Защищал от напасти великой
Землю русскую, как Святогор.
Даль едва замаячит ордою -
Взгляд Полюда и мудр, и остёр -
Знак даёт, чтоб готовились к бою -
На вершине разводит костёр.
Дым спасительный чердынцы зрили -
Вмиг по первому клику в ружьё.
Ох, как лютого ворога били
За гнездо родовое своё.
После битвы пожары тушили,
А пожары случались не раз.

Снова строили. Храмы вершили.
Да об этом особый рассказ.
Но однажды просторы не тучей,
А затмило несметной ордой.
И подумал воитель могучий:
«Трудно Чердыни сдюжить одной.»
Порасправив покатые плечи,
Сам решил неприятеля сечь.
И рванулся ордынцам навстречу,
Обнажая сверкающий меч.
Бился день и другой, и неделю,
А враги рубежей не сдают.
Стрелы вихрем разящим летели -
Рассердился хоробрый Полюд.
В гневе яростном топнул ногою -
Заходила земля ходуном.
Над взлохмаченной дымной тайгою
Прокатился рокошующий гром.
Горы сдвинулись. Рухнули скалы.
Вышла Вишера из берегов.
И ревущим метущимся валом
Поглотила заклятых врагов.
Если кто уберётся случайно,
То потомков молил не впервой:
Мол, не лезьте на Чердынь с мечами,

Не вернётесь живыми домой.
С тех дремучих времён и поныне
В мире благостном Чердынъ живёт.
На горе порубежной былинной
Спит всеславный защитник её.
Неспроста благодатные люди,
Что давно в незабвенной дали,
Свято именем светлым Полюда
Гору каменную нарекли.
Коль задумает недругов стая
Вновь порушить родимый уют -
На пути из легенды восстанет
Богатырь древнерусский Полюд.

НЫРОБСКИЙ УЗНИК

Т. В. Тимоховой

Сентябрь. Начало века. Ныробка.
Снега колючие секут.
Стрельцами наспех яма вырыта -
Страдальца в яму волокут.
Закован в цепи трехпудовые -
Крутой указ не заменить.
Готовы стражники суровые
Расправу спешно учинить.
Не зрили ныробцы от века,
Хоть жили - души на излом,
Чтоб молодого человека
В могилу мерзлую живьём.
Совсем не татя полупьяного,
Что порешил людей зазря,
А дядю - самого Романова,
Руси грядущего царя.
Играть во царствие негоже -
Борис хитер, кровав и зол.
Как говорят почуял кожей -
Под ним качается престол.
А если так, то конкурентов
Души, расстреливай, травы!

В России знает каждый смертный,
Что власть извечно на крови.
Стрельцами узник сброшен в яму -
Им водкой душу не согреть.
С годами здесь крестами храму
На мир несправедливый смотреть.
И богомольцы, и калики
Тянутся долго будут в храм,
Чтоб горьким ликом, тяжким ликом
Припасть к священным кандалам.
Но прежде узник в муках сгинет,
Над ним ссутулятся леса.
Господь очами глушь окинет -
И содрогнутся небеса.
До сей поры не мрёт тревога,
До сей поры дрожит земля.
От ямы ныробской дорога
Ведёт сквозь время до Кремля.

НАД ЧЕРДЫНЬЮ ЧЁРНЫЕ ТУЧИ

Над Чердынью чёрные тучи
Грачиною стаей снуют.
И молнии росчерком жгучим
Таёжный пластают уют.
Нахохлились древние храмы,
Видавшие горе века
И помнящие Мандельштама,
Поэта-страдальца, зека.
Не выход его из барака,
А в муках - паденье и взлёт.
Кричащею раной из мрака
Барачная Русь восстаёт.
Клокочет и стонет громами,
Рыдает угрюмой тайгой.
И дыбится в небо холмами,
И падает в бездну рекой.
Не счесть убиенного люда
От Ныроба до Колымы.
И слёзные реки повсюду,
Повсюду леса и холмы.
И совесть за прошлое мучит,
И боль будоражит уют...
Над Чердынью чёрные тучи
Грачиною стаей снуют.

ПРАВДА

Людей за правду жгли и вешали.
/О, зряшный стон: «Господь, спаси!»/
И к черту в пекло, в лапы к лешему
Этапом гнали по Руси.
От юга знойного до севера,
Где звон стоит от холодов,
Земля могилами усеяна
Без чёрных вешек, без крестов.
Поди, узнай число замученных,
Бесследно сгинувших вдали.
Но вечно судьбы их горячие
Для нас как плач,
как боль земли.

Россия, кровушкой политая,
Не задохнулась от смертей.
Восстала правда неубитая
Из пепелища, из костей.
Земля шумит хлебами,
рощами.

Народ живуч. Живуча речь.
Одна у нас забота общая:
Чтоб правду - правдою сберечь!

КОВЫЛЬ

По-над степью совсем не туман -
То ковыль колыхается волнами.
А над ним вековечный курган,
Под курганом - хорошие воины.
Не буди ратоборцев, ковыль,
Душ не трогай больных да израненных,
А поведай праправнукам быть,
Как ты ведаешь полюшку бранному.
Ты ж единым свидетелем был
Горевого столетья дремучего.
Царь степей, ты ничуть не забыл,
Как враги нападали на русича.
Но терзают славян и теперь.
За какие, скажи, прегрешения.
Сколько ж было и будет потерь,
Чтобы Русь обрела утешение?!

НЕ ДОПУСТИ, ГОСПОДЬ!

В глухой степи оратаи от века,
Распахивая поле, под пластом
Встречали въявь останки человека
С оружием и латами притом.
Стояли молча, кланяясь равнине,
Где пала рать славянская в бою.
Подобные находки и поныне
Не отпускают Родину мою.
Совсем недавно, по селу земля,
Под жёлтой кручей шашку откопал.
А войны снова огненно метелят -
Народ от поножовщины устал.
Не допусти, Господь, воздай за милость,
Чтоб не сочился кровью краснотал,
И чтоб земля моя не превратилась
В раздробленные кости и в металл.

ВЕТЕРАН

А. Ф. Никонову

Танкист, дошедший до Берлина,
В поволжском городе живёт.
Ему война теперь - былина,
Да спать с годами не даёт.
И лес, и даль в предсмертном стоне
Уходят в ковельскую ночь.
Подбитый танк в болоте тонет,
И снова некому помочь.
А немец прёт, пути сменяя,
Остервенело, напролом.
И смерть костлявая крутая
Однополчан берёт в полон...
Стихает гул в просторе голом,
В окошко тычется туман.
И тянется за валидом
Войны Великой ветеран.
Одна мечта: излить бы душу,
Излить немедля, не потом,
Чтоб кто-нибудь его послушал,
Да пуст давно угрюмый дом.
Лежит хозяйка на погосте,
У дочерей - судьба своя.

И не всегда сберутся в гости,
И тают верные друзья.
Но вот спроси у ветерана:
Ну, как живется, холостяк?
В ответ по-воински чеканно:
«Порядок в танковых частях!»

ТЁТУШКА ТОНЯ

Памяти Маханьковой А.М.

Поле в травах томящихся тонет.
Пригорюнились ветры в тиши.
Успокоилась тётушка Тоня,
Человек беспокойной души.
Тихо в ночь отошла... А давно ли
Уводила девчат за реку?
Столько вынесла тяжкой недоли
На своём отболевшем веку!
Труд крестьянский от предков познала.
В лютом холоде, в знойной пыли
Жала, сеяла, землю пахала
В августовской родимой дали.
А когда протрубили тревогу,
И Россия в поход позвала,
Антонина военной дорогой
На смертельную битву ушла.
Жутко были свинцовые вьюги,
Смерть ходила, как конь в поводу.
Фронтовые друзья и подруги
Погибали в горящем аду.
То ль спасло заговорное слово,
То ль Господь, то ли ей повезло? -

При сержантских погонах из Львова
Возвратилась с Победой в село!
Молода, весела и красива,
А глаза - как безбрежье степей!
Снова жала и травы косила,
Завлекая улыбкой парней.
Приглянулась красавица скоро,
Да и парень понравился ей.
Землепашцу-солдату Егору
Четверых народила детей.
Не сдала. Не согнулась под ношей.
Не сочтёшь, сколь ночей не спала.
И работала снова, как лошадь,
Но детей на миру подняла.
Да недолгонько в радости жили -
Дом, увы, - и для горя открыт:
Сына в мирное время убили -
До беспамятства выла навзрыд.
Пред очами война многократно
Прокатилась гремучей верстой.
На войне убивают - понятно,
Боже мой, а теперь-то за что?..
Лишь в работе и были улады,
Что на пенсии - это не в счёт.
Ордена заслужила, награды -
Ей бы слава, внимание, почёт!

Только власти сказать не сумели
Даже слова у гроба её.
И рыдающе бабы отпели,
Как в дремучее время-быльё.
Рядом с братом Николой и сыном
Положили под свежим крестом.
Как ведётся издревле в России,
Помянули плакучим вином.
Поле в травах томящихся тонет.
Пригорюнились ветры в тиши.
Успокоилась тётушка Тоня,
Человек беспокойной души.

ОДНОФАМИЛЕЦ

На кладбище военном есть могила,
В могиле той - однофамилец мой.
Двадцатилетний парень из Тагила
С войны лежит под старою ветлой.
Над ним парят, раскинув крылья, птицы,
В зелёных днях качаются ветра.
За краткий век успел ли он влюбиться
В девчонку из соседнего двора?
В каком краю берёзовой России
Она живёт и помнит ли его?
Ах, сколько над землёй рассветов синих
Повыцвело со времени того,
Когда купались луговины в росах,
Когда в ночи склонялся над стихом,
Когда цветы дарил своей курносой,
Когда ребята звали женихом?!
О, молодость: веселье и беспечность,
Мечта и радость - только позови!
Казалось, жить на свете бесконечно,
И создан мир для песен и любви.
Но гром война по небу прокатила -
Пожарища и смерти без конца.
На битву мировую проводила
Девчонка повзрослевшая бойца.

Ждала его. И верила - вернётся!
Но под Смоленском был тяжёлый бой.
Солдат упал у чёрного колодца,
Закрыв и нас, и Родину собой.
Чтоб Ярославны ввек не голосили
Ни в нашем крае, ни в чужом краю.
Чтоб я, мой сын и внуки бы носили
Фамилию славянскую твою!
Она - во мне и в радости, и в беды,
Моею стала верой и судьбой.
И в будний день, и в день большой Победы
Иду к тебе, однофамилец мой.
Иду к тебе, заранее тревожась,
О пережитом думаю, скорбя.
А если б я в своём родном Заволжье
Опередил в рождении тебя?
Упал бы я под пулею мгновенной,
Лежал бы я под старою ветлой?-
Тогда бы ты на кладбище военном
Стоял в поклоне, молча, надо мной.

ВДОВА

Спина, как серп, у бабы Катерины.
Хлебнула бед за век дремучий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила.
Лечили раны ей ржаные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине - в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И незаметно, как под тяжкой ношей,
Все гнулась,
 гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень - вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.
Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала белье...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на неё.

Я ПРИЕДУ

А.Ф. Никонову

Я приеду, двоюродный брат,
В Нижний твой, на великую Волгу.
Заявлюсь к сентябрю в аккурат -
Мы с тобою не виделись долго.
Ах, обнимемся, чёрт нас дерит!
Подтверждая объятья мадерой,
Просидим за столом до зари,
Натолкуемся вдоволь, без меры.
Пред очами восстанут отцы,
Молодецки по росной дороге
Уводящие в степь под уздцы
Светлогривых коней тонконогих.
Только сгинули предки вдали:
Кто в тюрьме, кто в бою, кто на пашне.
Во сырую землю легли
От врагов чужедальних и наших.
Было так. Повторяется вновь.
На людей насылают напасти.
О, Господь, сохрани нам любовь,
Сбереги от несправедливой власти!
Путь России от века не прост.
Пусть историки спорят и ропщут...

Мы же в полдень пойдём на погост
К Вере Павловне, в «Марьину Рощу».
Поскорбим, постоим у оград -
Нам печалью откликнется Волга...
Я приеду, двоюродный брат,
Мы с тобою не виделись долго.

УШЁЛ СОЛДАТ

Памяти Селянкина О.К.

Ушёл ещё один солдат войны великой.
Припала женщина к нему прискорбным ликом.
Слова, как стон. А стон пронзительней метели.
По-христиански в церкви праведно отпели.
Израненный войной, добитый жизнью дикой,
Ушёл ещё один солдат войны великой.
Ушёл, чтоб рассказать родным однополчанам,
Как плачет Родина-страдалица ночами.
Не мог он жить, когда сдавили землю беды,
Когда развенчано величие Победы...

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Памяти Домовитова Н.Ф.

I

Поэт не дожил до рассвета:
Вздохнул спокойно и - умолк.
Ещё не тронул липы ветер,
Не грянул птичий перещёлк.
Ещё земля не просыпалась,
А он безжизненно уснул.
Забыв и раны, и усталость,
Последний лист перевернул.

II

*«...Убежать бы к друзьям мне,
А я не могу -
Я живой,
А друзья - из гранита.»*

Н. Домовитов

И всё-таки он слова не сдержал.
Простим высокоумного поэта,
Что не дождавшись летнего рассвета,
К друзьям вихрастым в юность убежал.

Он рвался к ним сквозь грозы и мороз
Сожжённой Мги, преступного ГУЛАГа.
И свет ребячьих глаз в душе, как благо,
Как Свешников родник до смерти нёс.
Друзьям теперь поведает поэт
Не только про свирепые конвои,
Не только про донбасские забои,
Но как любил Никола Горицвет!
Хоть жизнь была тяжка, но горяча,
В которой пело незабудкой лето...
Гори, гори под горестным портретом
Его восьмидесятая свеча.

* * *

Война убила сыновей
Убила нерождённых внуков.
Пришла и старость без детей,
А без детей не старость - мука.
Да так и жили бобыли.
Восьмидесятый год начался -
Сначала бабу отнесли,
А следом и старик собрался.
Но всё же горше оттого -
И есть ли в утешенье слово! -
Что не осталось никого
В селе из рода старикова,
Чтоб принести с родных полей
Цветы живые на могилу...
Война убила сыновей -
Род землепашеский убила.

ОБЕЛИСК

Обелиск поставили в деревне,
На открытье стар и млад пришёл.
Тоненькая веточка сирени
Поднялась на белый частокол.
Вспомнил каждый дорогое имя -
И зажглись рябинами венки.
И, скорбя, в молчании над ними
Головы склонили земляки.
И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна, слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

* * *

Ложится снег на мирные поля,
Ложится на российские берёзы.

А вдруг от взрыва

вздыбится земля,

Над миром грянут ядерные грозы!

И больше нет ни сёл, ни городов,

Ни вольных птиц, ни безымянных речек.

Оплакать некому. Не будет вдов.

Всё канет в задохнувшуюся вечность.

А было ль солнце?

Иль ребячий смех?..

Спасайте, люди, мир,

пока не поздно:

Еще поля лохматит мирный снег,

Ещё горят немеркнущие звёзды.

ПРИТЯЖЕНИЕ

Ни на родине, ни в пути
Не нашёл успокоенья.
Ах, судьба моя, возврати
Незабытые мгновенья.
Чтоб и в стужу стало теплей,
Чтоб и пелось, и любилося,
И среди хороших людей
Все плохое позабылося.
Ни в бреду лихом, ни во сне -
Наяву под вихрь упрямый
Сказывала прошлое мне
Степью пахнувшая мама.
Я тогда взволную зарю,
Подпоясавшись ветрами.
И любимую одарю
И любовью, и цветами.
Припаду к родной земле,
К вековым её седидам.
Замаячит лесом во мгле
Богатырская дружина.
За добро несметная рать
Над землёй моей восстанет.
После битвы старая мать

В дом родительский поманит.
Канет в пропасть чёрное зло.
Канет в пропасть дикая нечисть.
Ах, как будет в мире светло!
Честь и жизнь, и радость - вечны!
Вечны реки, травы, хлеба,
Вечно в дом близка дорога!..
Но молчит судьбина-судьба,
Видно, зла на свете много.
И пока не сдюжить судьбе,
У неё не хватит силы...
Вновь притягивают к себе
Неосевшие могилы.

СЛОМАЛСЯ АВТОБУС

Сломался автобус.
Хоть пой, хоть реви,
Но только напрасно
Души не трави.
Увы! Ничего
Не поделать теперь.
Далёко Самара,
Не близко и Пермь.
Конечно, есть поезд
И есть самолёт,
Да грош на билет
Президент не даёт.
Мол, будет и легче -
Красивая ложь!..
Одно утешенье,
Что рядышком рожь.
Ходи, наслаждайся,
Сбирай васильки.
Плети для любимой,
Как в песне, венки.
Кузнечиков слушай -
И к чёрту тоска.
Билета не надо -
Бесплатно пока...

* * *

Людей в пассажирском,
Как зёрен в мешке,
Как сельди в увесистой бочке напичкано.
Одни остаются в Кременчуге,
Другие махнут и к чертям на кулички.
В проходе и в тамбуре
Сплошь рюкзаки.
Забитые накрепко полки под крышею,
Гоняют чай, не спеша, старики,
О прошлом толкуя светло и возвышенно.
Девчата и парни,
Компашка друзей,
Под «Аист» игристый воркуют, как голуби.
Соседи гвоздят современных вождей-
Вожди котяхами болтаются в проруби.
Доносятся споры
Почти до зари
С сознанием дела легко и уверенно,
Коль живы горланы, то бишь, главари,
Не всё, стало быть, в государстве потеряно.
Пускай не стихают
Ни шутки, ни спор,
Хоть поезд и медленно в ночь погружается.
Желанью и времени наперекор
Вагон засыпает,
А жизнь продолжается!

ВОКЗАЛ

Вокзал гудит,
Вокзал бурлит-
Россия на вокзале.
Не оттого ль душа болит?
Уедешь ли? - Едва ли!
А коль уедешь, то куда? -
Кругом разбой и смута.
В стране безверье и нужда
Берут за горло круто.
Друзья, увы, с таким царём
Не выползти из грязи.
Сражаться мог с подобным злом
Один лишь Стенька Разин.
Но где ж его найти теперь? -
Ищи иголку в сене! -
Чтоб Русь берёг, как нору зверь,
И славил, как Есенин!
Да будет скоро этот год,
Чтоб власти не терзали.
Уже гудит, бурлит народ -
Россия на вокзале!

ЛЕБЕДА

Мы в детстве жили в горе и в нужде,
Росли на жмыхе и на лебеде.
И мать всегда гутарила о том,
Что даст Господь нам хлебушка потом.
Когда потом? - нас мучило и жгло.
А зимы всё бурашили село.
Взрывали вёсны речку под ветлой.
Лета кричали бедною страдой.
За братом брат, кто в зной, кто в холода,
Как птицы улетели из гнезда.
Не стало мамы. Сами уж отцы.
У сыновей проклюнулись усы.
А жизнь, как встарь, уныла и пуста,
Как брошенная церковь без креста.
Пытает сын: «Скажи, а почему?»
Ну что в ответ поведаю ему,
Когда с протянутой рукою Русь,
А почему - и сам не разберусь.
От имени истерзанных людей
Спросить бы наших пламенных вождей:
«Да как же вы, не жившие в нужде,
Вернули нас обратно к лебеде?!»

ПОД ЕЖОВСКИМ КУРГАНОМ

Маликову М. Ф.

Под Ежовским курганом,
Где шумят ивняки,
Пили водку стаканом
Мужики-земляки.
Говорили о многом,
Уточнять не берусь.
Пили водку в тревоге
За великую Русь.
Подлецов проклинали
За разруху страны,
Что родимые дали
Довели до войны.
Юных воинов крушат,
А за что? - Не поймёшь.
Наши русские души
Продают ни за грош.
Грабят подло и лихо
И бегут за бугор.
Где же праведный выход? -
Тонет в плаче простор...
Под Ежовским курганом,

Где шумят ивняки,
Пили водку стаканом
Мужики-земляки.
Ничего не забыли:
Ни веселья, ни бед.
Здесь полковники были,
И певец, и поэт.
От разбоя и мести,
Боже, нас упаси.
Но почаше бы вместе
Людам быть на Руси!

РАКОВКА

Гребенюку Ю.И.

Мусор. Ямы. Печная зола.
В окруженьи крапивы деревья.
Здесь деревня когда-то была,
Называлась Раковкой деревня.
В ней бывать приходилось не раз.
Люди жили, не жалуясь, вольно.
А теперь - никого.
День над степью угас.
И смотреть на развалины больно.
Не сидят у пруда рыбаки -
От безлюдья и пруд засыхает.
Бессловесно трубят сквозняки,
Долго реквием не утихает.
Разве стихнет внезапно, когда
Одинокый погост на просторе?
Скоро вздёрнут метель холода -
Заштормит густоснежное море.
И провалятся в тартарары
Глухомани, равнины, эпохи.
Задохнутся в стихии миры
На последнем святом полувздохе...
Осуждать мы не вправе людей,
Раз уехали - были причины.
Но деревню в середине степей
Будут помнить до самой кончины.

ДЕРЕВНЯ УМИРАЕТ

Изба одна, вторая -
Развалины вокруг.
Деревня умирает,
Как под косою луг.
Обидно, что не в битвах
От ворогов лихих,
А гибнет без молитвы
От ворогов своих.
Кричат поля пустые -
Доносит ветер стон.
Свирепствуют Батыи
Сегодняшних времен.
Трава торчит, как веник.
Кому теперь косить?
О, сколько деревенок
Заглохло на Руси!
Лежит в земле оратай,
И душу кинет в дрожь:
Хозяина обратно
Указом не вернёшь.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Ах, бедный русский человек,
За что ж тебя так невзлюбили?
И без того твой краткий век
Как пёсий хвост укоротили.
Ты потерял и род, и дом,
Как колокольчик под дугою.
И стал в Отечестве родном
Не земледельцем, а изгоем.
Твоя земля, но не твоя -
Землём владеют толстосумы.
Трубят эфир во все края,
Что ты живёшь, но как бы умер.
От слов таких скорбит строка...
Я мысли горькие не рушу:
Не распродали б с молотка
Твою растерзанную душу!

МУЖИК

Землю рвут, отравляют, сжигают -
Даже мёртвый в могиле кричит.
Мужика, словно скот, запрягают,
А мужик, бедолага, молчит.
По России от края до края
Еле ноги больные влачит.
Кожу заживо трижды сдирают,
А мужик, бедолага, молчит.
Бьют свои по нему и чужие -
Автомат, не смолкая, строчит.
Застонал богатырь бы двужильный,
А мужик, бедолага, молчит.
Задыхается в отчем просторе,
А когда-то был славен и смел!
Неужели от пыток и горя
Он, как дерево, окаменел?!

* * *

Державу по живому режем,
Как булку хлеба, на куски
Едят чужие. И всё реже
Свои от века мужики.
Они едят за сказкой сказку.
Что Бог послал, как говорят.
Чужие - слопали Аляску,
Теперь Курилы норовят.
Границы рушат, крöят межи.
И водку жрут для куража.
Державу по живому режем -
И хлещет кровь из-под ножа!

* * *

За Родину, презревшие полон,
Ослябя с Пересветом пали наземь.
На эшафоте задохнулся Разин,
От ран скончался князь Багратион.
Панфиловцы в бессмертие ушли...
Расколот мир на добрых и недобрых.
Не счесть погибших русичей хоробрых
Во имя славной Матери-земли.
А кто ж теперь Отчизну защитит?
Кричим с трибун без веры и печали.
Историю, как девку развенчали,
За что Господь, конечно, не простит.
И проклянут на верстах вековых
Потомки нас, людей худого сорта,
Всё потому, что мы не только мертвых,
Но заодно и предали живых.

АХ, РУСЬ...

*«...Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам,
Россия...»*

Игорь Тальков

Ах, Русь!
Да как же ты могла
Среди безумия и зла
Не заживающею раной
Прикрыть правителей-тиранов?
А честных праведных людей
Сгноить в аду концлагерей.
Презреть страдание людское
И превратить славян в изгоев?
А что же делаешь теперь
В года разрухи и потерь?-
Поклоны бьёшь врагам заклятым,
Себя отдав лжедемократам!
Ужель не видишь, что они
Иуде, Ироду сродни?
Как в страшный год, пытаются снова
Твоих творцов родного слова.
И сеют ложь, и сеют гнусь.
Очнись, восстань, святая Русь,
Не дай врагам укорениться,
Не дай над русичем глумиться!..

ВОИНУ АФГАНА И ЧЕЧНИ

В Афгане был знакомый мой.
Теперь в Чечне судьбу пытается
Преступной новою войной,
Которой нет конца и края.
Ночами пьёт лекарство мать,
А на лекарство - цены дики.
И ей, бедняге, не понять:
Почто молчит народ великий?
Ведут на бойню сыновей -
Могилы застят даль родную.
А Кремль кишит клубками змей,
И превращает Русь в пивную,
Чтоб легче было воровать -
Барыш, конечно, в инобанки.
С людей, как прежде, шкуры драть,
А если что - и вздыбить танки!
Но знаешь ли, знакомый мой -
Тебя жестоко обманули.
Державной подлою рукой,
Как шавку бросили под пули.
Пока ты смерти миновал.
Подумай, матери в угоду,
Ты клятву не Кремлю давал,
А клялся верности народу.

Тогда не жди погожих дат,
Гони продажные мессии,
Спасай народ, коль ты солдат
Высокоправедной России!

БАРЕНЦЕВО МОРЕ

Русь родная горбится от горя -
Родине-страдалице невмочь:
Гибнут парни в Баренцевом море,
И никто не может им помочь.
В чём они, подводники, повинны,
И за что погибнуть суждено?
Атомная лодка субмарина
Ткнулась носом в илистое дно.
Ядерный реактор заглушили -
В этом подвиг или приговор?
Путь земной ребята завершили.
Ни к чему ни версии, ни спор.
Разорвала души катастрофа.
Не облегчат Родину молва
Ни мои рыдающие строфы,
Ни высокомудрая Москва.
В храме, где «Варяга» отпевали,
Что погиб у чуждых берегов,
«Курск» отпели, Русью отстрадали
Честь и славу храбрых моряков.

* * *

За Корнеевкою, на пруду,
Посреди ковылей первозданных
Мы сидели, как в давнем году,
Встрече радовались долгожданной.
Друг мой, смерти смотревший в глаза,
Потерявший в Молдавии сына,
Растрезоженно нам рассказал,
Как терзают Мазепы Россию.
Нас бросало и в холод, и в жар -
Пруд, казалось, заплёскивал кровью:
Рядом слышался плач Дубоссар,
Рядом слышался бой в Приднестровье.
Будь же проклята страшная быль!
Будь же проклят страданий виновник!..
Гладил тихо ладонью ковыль
Поседевший до срока полковник.
За Корнеевкою, на пруду..
Мы до ночки не уходили.
Коньяком разбавляя беду,
За Россию, за Родину пили.

КРУТИТСЯ ЗЕМЛЯ

Работы нету. Денег ни рубля.
Но так же резво крутится Земля!
Ветра листву безжалостно трясут,
Покойников на кладбище несут.
До срока вымирает русский люд,
Корёжится и рушится уют.
А власть над тронем царственным парит,
Дела кроваво-мерзкие творит.
И никому на свете дела нет,
Что гибнут и крестьянин, и поэт,
Что зло и яд струятся из Кремля...
Но так же резво крутится Земля!

АХ, РОДИНА, ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ?

Ах, Родина, что же случилось? -
В округе одни сквозняки.
Указам любым вопреки,
В открытую власти пируют,
В открытую власти воруют,
Свирепствуют их денщики!
А честные, добрые люди,
Хлебнувшие вóйны и ложь
Среди перестроечных рож,
И в доме живут, как без дома,
В хлеву ни зерна, ни соломы -
Неужто корову под нож?
Налогам дикими душат.
Отрезаны к правде пути.
Куда человеку идти? -
Командуют воры в законе.
Деревни в смертельном загоне,
Учитель давно не в чести.
Когда это было? Ответьте,
Правители всех волостей.
И сколько невинных людей
Погибли от мафий и мора.

И женщины русские скоро
Рожать перестанут детей.
Их парни лежат в Приднестровье,
В Афгане лежат и в Чечне.
А вы, бултыхаясь в вине,
Ломаете шапку пред гнусью,
Торгуете отчею Русью,
Ведёте к гражданской войне!
Но суд человеческий и Божий, -
Глядите! - нагрянет вот-вот,
К ответу за кровь призовёт.
И вам за разруху, мы верим,
Удрать не успеть до америк,
До жёлтых израильских вод!

ВО СНЕ

Во сне лечу под облаками,
В полнеба крылья распластав.
Гляжу на степь во царство трав,
Гляжу на реки с ивняками.
Душа поёт от изобилий
Хлебов, добра, голубизны.
Разрухи нет. И нет войны...
Проснулся - крылья обрубили.

* * *

О, как, Господь, тебя мы допекли
Своими неразумными грехами,
Что нас отторг ты напрочь от земли,
А путь небесный застил облаками.
Мы, как слепые, топчемся во мгле,
Не принимаем нужного решенья.
Не знаем, как на стонущей земле
Заблудшим душам вымолить прощенье.

СЕРДЦА ДРУЗЕЙ

Когда взревёт стихийно ветер с луга,
Выбрасывая горе за порог,
Как телепаты, чувствуем друг друга
Сквозь табуны пропыленных дорог.
Листая путь от края и до края,
Из чёрных душ выветривая гнусь,
Слова святые, дружбу воспевая,
В пространство шепчем, а слышать на Русь!
Как выдох от тебя: «Пиши почаще!» -
Усиливает голос твой полынь.
- Конечно! - И подхватывают чащи,
Мои слова озвучивает синь.
Летят они размашисто и хлёстко,
Развенчивая наволочь и мрак.
- «Ты от меня отвесь поклон березкам,
Что стерегут Берёзовый овраг.»
В ответ: «Добро!». Смолкает ветер с луга.
И радость привалила на порог -
Незримо обнимаемся друг с другом
Сквозь табуны пропыленных дорог.

МЕНЯ ЗОВЁТ БЕРЁЗОВЫЙ ОВРАГ

Когда змеёй вползает в душу мрак,
Берёт за горло чёрная тоска,
Как дорогого друга-земляка,
Меня зовёт Берёзовый овраг.
А он-то, знаю, чудо сотворит:
Мою тоску и мрак в себя вобрав,
Напоит и взбодрит настоем трав
И шелестом берёз заговорит.
Душа больная обретёт покой.
Но прежде, чем взлететь под облака,
Пером коснётся чуть черновика,
Отдарит благодатною строкой.

МНЕ С ВАМИ РАДУЖНО, ДРУЗЬЯ

Привет, родимые края,
Низины, дышащие влагой!
На «Ниве» катим край оврага
Степанов, Маликов и я,
Вдали гряда лесополос -
Творитель Ивченков лесничий.
А рядом - нас листвою кличут -
На склоне кручи шесть берёз.
Ну что ж, премилые друзья,
Глуши мотор, бросай баранку.
Раскинем скатерть-самобранку -
Без чарки здесь, увы, нельзя.
Отбросим прочь години гроз
И, молча, прадедов помянем.
А по второй - под кроны встанем
Махнём за здоровье берёз.
Чтоб не сгубил красавиц тип
Из туполобого из рода,
А если сгубит, то природа
Ему жестоко отомстит...
Мне с вами радужно, друзья!
И снова тосты, разговоры.
Домой вернёмся мы не скоро:
Степанов, Маликов и я.

БЕРЁЗОВЫЙ ОВРАГ

Степь. Ковыль. Берёзовый овраг,
Тайнами дремучими завешан,
Где, презрев неверие и страх,
Под шумы лесов и вешних вод
Детство незабвенное живёт
В колдунах, в разбойниках и в леших
Ах, дружище, тайны разгадай,
В детство окунись через полвека,
Перепивший ада через край,
И друзей терявший, и родных
На полях молдавских горевых
За добро и счастье человека?..
Выпив чарку дерзкого вина,
Ведал друг о времени вчерашнем.
Как цвела здесь вишнею весна,
Серебристым тополем, ветлой.
И отец, склонившись над землей,
Зачинал спасительные пашни.
Был и урожай, и недород.
Лихолетья нахлебались вволю.
Если не спасал нас огород,
То овраг Берёзовый родной
Одарял нас ягодой лесной,

Чтобы забывали мы недолю.
Но туда одни мы ни ногой -
В мёртвом озере, на дне оврага
Нечисть хороводила гурьбой:
Лешие, русалки всех мастей.
Нашептали бабки нам страстей,
Мол, колдун под каждою корягой.
Речкою бурлили времена
Сквозь разруху, радость и печали.
Батьку съела подлая война.
Пережили боль, нужду и страх.
Повзрослев, ходили мы в овраг,
Да нечистой силы не встречали.
Лишь потом на жизненном пути
Нас она, развенчивая, била.
Друг добавил: «Господи, прости,
Жизнь и так на родине горька,
Но какая ж мерзкая рука
Серебристый тополь порубила?..»

ШЕСТЬ БЕРЁЗ

Виктору Маликову

Мой друг, мы будем жить и петь, пока
В июльских пересвистах сквозняка
Шумят, грустят и радуют до слез
В Берёзовом овраге шесть берёз,
В которых свет и птичья ворожба
И юных лет горячая тропа.
Которые, качая даль и высь,
Корнями и листвой переплелись.
Переплелись не только меж собой,
А с нашею страдальческой судьбой.
И значит, мы надолго и всерьёз
Родные братья сросшихся берёз.
Но вдруг топор блеснёт? То в тот же миг
Мы рухнем от инфаркта вместо них.

ЗОВ

Понять не трудно. Понимаю,
Что в степь тебя, мой друг, зовёт.
Совсем не тропочка прямая,
Не вётел хрупкий хоровод.
Ладонью горькою полынной
Пригладишь белые виски,
И смотришь, смотришь, где равнина
Ковылью глушит сквозняки.
Стоишь, забыв седые даты,
И в сердце боль, и в горле ком:
До сей поры трава не смята -
Здесь бегал батька босиком!

ВИДЕНЬЕ

Виктору

Закончив пахоту под ночь,
Прилѣг в копешке у оврага.
Усталость трудно превозмочь -
Швырнула в сон, как после браги.
Когда прорезался рассвет
И звезды тихо угасали,
Очнулся я, а может нет,
Но слышу пенье меж лесами.
И в сердце радужность и страх,
Переполох и вдохновенье.
Ожил Берёзовый овраг, -
Что это: явь или виденье?
Звенел хрусталинками хор,
Парили ангельские песни.
От чистоты светлел простор -
Душа летела в поднебесье.
Кружились росные леса
В девичьем дивном хороводе
И зависали голоса,
Каких не сыщешь и в природе.
И камыши ручей качал,
Искристым смехом отзывался.

Но трижды кочет прокричал -
И хор безвестный оборвался.
Не отпускала явь меня,
Душа от чувств не унималась.
Вставал рассвет. Начало дня.
Над миром солнце поднималось.
С тех пор прошло премного лет,
Бывал во всякой перепалке.
Не разгадали тот рассвет
Ни ворожеи, ни гадалки.
А может он спасал в пути,
Когда в меня летели пули?
Я звал его,
Господь, прости, -
И пули гасли в смертном гуле.
Я звал его, а он меня.
И вот на родину вернулся.
Рассвет мой призрачный, звеня,
Цветастой явью обернулся.
Иду в Берёзовый овраг
Под жаворонковое пенье,
Где проживает на ветрах
Моё небесное виденье.

ИВАН ТОНКІХ

Иван Тонкіх - вёсёлый человек,
Влюблённый до безумия в природу.
Без провожатых, не приемля вех,
В поля идёт в любую непогоду.
Однажды у него мечта была:
Сграбастать волка голыми руками.
Пораньше встал - и в путь. Метель мела,
Тропинки резво путая снегами.
Берёзовый овраг пред ним уже,
Где волка он выслеживал нередко.
И глянул вниз: и жаром по душе! -
Увидел волка под искристой веткой.
Виденье это длилось час иль миг? -
Остановилось время. Вьюга смолкла.
Недолго думая, Иван Тонкіх
С могучей кручи прыгает на волка!
Но промахнулся. Рядом рухнул в снег,
В сугробе с головою закопался.
А волк-разбойник, видно, без помех
В берёзовую глушь ретировался.
Подумал, верно, что за чудеса!
По волчьим тропам хаживал от века,
Но никогда не зрил, чтоб небеса

Подбрасывали волку человека...
Из плена снежного на волю он
Похлеще Монте-Кристо выбирался.
Конечно, был премного удивлён,
Что нерешённым замысел остался.
Перекрестившись, глядя на овраг,
Побрёл в раздумье грузными снегами:
«Ведь из ружья убьёт любой дурак,
А вот попробуй голыми руками!»

МАРИНИН САД

Валентине и Виктору
Маликовым

I

Где стояла изба родная -
Только впадины да бугры.
Сад Маринин, года листая,
В степи смотрит из-под горы.
Он теперь никому не нужен:
Постарел, одичал, не мил.
А бывало с тепла до стужи
Не избу, а село кормил!
Груши, яблони без умолку
Пораскачивали плетни.
Отступали от нас надолго
Горе-голода злые дни.
Мужики, уходя на битву
Далеко от родной земли,
Завещали святой молитвой,
Чтобы сад уберечь смогли.
В избы вести летели с фронта
Самых чёрных ночей черней.
От погоста до горизонта
Жарил полюшко суховой.

Ладно жили, а чаще худо.
Неразумная власть пришла -
Потянулись в райцентры люди
От родительского угла.
Предки нас не простят вовеки,
Что живём от земли вдали.
Гибнут села и сохнут реки,
Сад-спаситель не сберегли.

II
В забвеньи годы. Вымер дом.
И в память выпито вино.
И пруд в степи затянут льдом,
И стежки вымерзли давно.
Осиротел Маринин сад.
Посёлков нет - одни кресты.
Но рвусь, как проклятый, назад
Из бездыханной темноты.
А тучи тушью застыт свет.
И не понять, и не избыть,
Что невозможно прошлых лет
Душой холодной растопить.

СПАСЕНИЕ

Тропа. Гора. Полян. Погост.
Гнездятся тучи над крестами.
Да ветер спорящий с кустами -
Пейзаж обыденен и прост.
Взгрустнёшь. Оглянешься. И вдаль,
В кипенье праздников и буден.
Простой пейзаж в пути забудешь,
Как в пляске огненной печаль.
Друзья, театры, кутежи,
Наутро тяжкое похмелье.
И не заметишь, как метелью
Завихрит дьявольская жизнь.
Но вдруг придавит тьма тревог -
На плечи громом рухнет небо.
А в сумке ни рубля, ни хлеба,
И нет спасительных дорог.
Не замечая лес, овраг,
Рванёшься степь не замечая,
И как тебя земля качает,
Как заползает в душу мрак.
И мир земной и не земной
Сольются вмиг по воле Божьей.
Казалось, в жутком бездорожье

Не излечить души больной.
Но приговор выносишь зря,
Отбрось, как ворогов, тревоги -
Лети в обратные дороги,
Едва осветит мир заря.
Оставь отмщенье за верстой -
И так в избытке потрясений.
Твоё последнее спасенье -
В краю родном пейзаж простой!

* * *

Бессильны сшибка, склока и обман,
Подмешанные водкою и брагой,
Когда со мною Виктор да Иван,
И с нами степь с Берёзовым оврагом,
Где столько отшумело жатв и гроз! -
Не сосчитать историку любому.
Слыхать шаги во ржи и меж берёз
Прапрадедов, страдающих по дому.
Они кричат хлебами и травой,
Берёзовым оврагом и прудами,
Чтоб свято мы хранили степь живой
И сберегли о наших предках память.
Хоть страшен бой с гуляющим врагом,
Жирующим в отеческой округе,
Но отстоим и родину, и дом -
Не потому ли встретились мы, други?!

Не получится встречи короткой,
Коль в Корнеевку я попаду.
Друг запотчует мёдом и водкой
И в избе, и на вольном пруду,
Где нам цапля отвесит поклоны,
Растворясь в камышовой глуши.
И кустарники ветром зелёным.
Из-под круч прошумят, как стрижи.
Душу птицами выпеснят степи,
Вспомним предков своих. А потом
Босиком под берёзовый лепет,
По оврагу, как в детстве, пойдём.
С кручи свесят седые папахи
Древне-русских времён ковыли.
Мы кострами и волей пропахнем
И былинами отчей земли.
Ни разруха, ни ворог, ни мука
И поныне теперь не страшны.
В нас Добрыня, Сусанин и Жуков,
И герои великой войны.
И Гагарин с есенинской синью
Удивлённых мальчишеских глаз.

Это значит, что крепко Россия
И клокочет, и пенится в нас
Хлебной степью, оврагом и лодкой,
Ожидающей нас на пруду...
Не получится встречи короткой,
Коль в Корнеевку я попаду.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Ветер вздёрнул удила -
Птицу сдуло с городьбы.
Крону взвихрила ветла,
Речка встала на дыбы.
В берег шлёпнула волна -
Напружинился камыш.
Задрожала бузина,
Проскользнула в спешке мышь.
Табор туч ползёт едва,
Но с дороги не свернёт.
Через миг, а может два
Мир гроза перечеркнёт.

* * *

Едва свалилась в речку туча,
Как дождь восстал сплошной стеной,
Как в ствол, стрижей впечатал в кручу,
Кувшинки выбросил волной.
Из камыша сподобил струги,
Из вётел - вёсла, как должно.
Лягушки вскрикнули в испуге
И пали замертво на дно.
Под стон и выплески глухие
Ольха металась в стороне.
Я не заметил, как стихия
Завязла накрепко во мне.

ПРОСТИ НАС, МАТЬ - СЫРА ЗЕМЛЯ

Под свист ветров ковыль штормит,
Волнами кручам достаётся.
Овраг Берёзовый шумит,
В лесах тропа, как леска, рвётся.
Меж серебристых тополей
Ищу спасенья от стихии,
Но с каждым шагом всё слышней
Корней стенания глухие.
Земля в жару и в холода
Держать поистине устала
Деревья, сёла, города,
Холмы смертельного металла.
Устала взрывы бомб терпеть,
Что раздирают даль на части.
А ей бы надо цвести и петь,
Оберегать людское счастье!
Давно б любая из планет
Сошла с орбиты и сгорела,
А вот Земля - святее нет! -
Свой крест несёт по миру смело.
Прости нас, Мать - сыра земля,
Не понимая, злобой мучим.
Поймём, когда, как тополя,
Листвой восстанем по-над кручей.

МРАК

Солнце закатилось,
Лижет землю мрак.
Провалился в росы
Сгорбленный овраг.
Через миг зажжётся
Первая звезда.
И душа, как птица,
Сгинет в никуда.

ПТИЦА

Из леса птицу принесли,
Была больна певунья-птица.
В корзине место ей нашли.
Ей дали зёрен и водицы.
И даже мушек и червей
Ребята где-то разыскали.
Мол, поправляйся поскорей
И вновь лети в лесные дали.
Неси нам капельку тепла!
Природу радуй, как бывало!..
Но птица воду не пила,
И зёрен вовсе не клевала.
Пугалась, бедная, людей,
Ко дну корзины припадала.
Чего ж ещё-то нужно ей?..
А птице неба не хватало.

СОН

Приснилось мне,
 что я больной
И надо мной врачи колдуют,
А ветер пляшет за стеной,
Истошно воя,
 дует,
 дует!
Подняться, встать, взойти хочу
На холм крутой
 по рыжим тропам.
Но вдруг, как жёлтый лист,
 лечу,
Потом - проваливаюсь
 в пропасть.
Всё кончено.
 И нет меня.
Роса с берёз в меня прольётся.
И без меня в начале дня
Моя любимая проснётся.
Ушли усталые врачи.
Я б захлебнулся в круговерти...
Но дочка вскрикнула в ночи
И тем спасла меня от смерти.

* * *

Свистел и плакал бедолага-ветер,
Не утихая даже под леском.
Приснились в полночь плачущие(дети,
Бредущие по снегу босиком.
Не заболел ли крохотный Дениска,
А может, помощь скорая нужна?
Пишу письмо: «Мне жаль, что вы не близко...»
Как белый лист, душа обнажена.
В окно пурга швыряет снег упрямо -
Не горе ли пророчит впереди?
Но вот звонок! Конечно, телеграмма:
«У нас нормально. Скоро едем. Жди.»
Прочёл и раз и дважды. Всё отлично!
Желаю вам предоброго пути.
А я, чудак, не верил в сон обычно,
Но тут поверил, Господи, прости.
Гоню и рушу с лёгкостью упрёки,
Сомненья и тревоги - тоже прочь.
И, к счастью, неотправленные строки,
Как сон, выбрасываю в ночь.

ВСПОМИНАЮ

Мечется вьюга от края до края.
Воеет заблудшей волчицей в трубу.
Боль и тревогу прочь отметаю.
И вспоминаю
Родную до боли избу.
В яблонях знойных, в акациях тонет
В крапинках синих степной небосвод.
К солнцу тяну я листья-ладони.
Рядышком детство,
Как птица, ручьиисто поёт.
Голод и холод совсем не пугают -
Живы на свете и мать, и отец.
Слушая сказку, я засыпаю.
В ночь вырастаю.
И тает во рту леденец.
Родина стелет крутые дороги,
Вдаль провожая своих сыновей:
Кто-то забудет предков пороги,
Кто-то напротив -
Не сможет без отчих полей.
Мечется вьюга от края до края.
Воеет заблудшей волчицей в трубу.
Боль и тревогу прочь отметаю.
И вспоминаю
Родную до боли избу.

ИЗБА

Памяти матери

Свистит пурга над ветхою трубою
Горбатится от снега городьба.
Не назову теперь избу избою -
Да разве, мама, без тебя изба?!
Не пахнет хлебом. Холодно и тихо.
Ни лампы керосиновой в ночи.
Не греет кости баба Кузнечиха,
Дерюгою прикрывшись на печи.
В углу повыцвел Николай-угодник,
Что рисовал Колодин Геродот.
С тобою, мама, кажется, сегодня
Остановился Востриковский род.
Хотя живут и правнуки, и внуки,
Хотя живут на свете сыновья,
Но как нужны твои родные руки,
Но как нужна добриночка твоя!
Зима сменяется весною синей.
И снова степь полынная в цвету.
Спасибо, мама, что любить Россию
Учила нас, как вере в доброту.
Иду к тебе кладбищенской тропею,
От кашки и шалфея даль светла.
Да разве назовёшь избу избою
Без твоего сердечного тепла?..

СКАЗКИ ПУШКИНА

Пурга над саманной избушкою.
В ночи керосинка горит.
И сказки волшебного Пушкина
Мне мать, не спеша, говорит.
Я вижу и синее море,
И слышу, как плещет вода.
Помочь стариковскому горю
Выходит весёлый Балда.
Гоняет он бесов простуженных,
Как мерзкую тварь, по песку.
Возносится попик заслуженно
От крепких щелчков к потолку.
Мальчишечье сердце ликует!
И долго меня не унять.
О Пушкине мама толкует,
И рада за Пушкина мать.
Не слышу последнего слова -
Глаза застилает туман.
Но встретится всё-таки снова
С Людмилой бесстрашный Руслан!..
О, время вовек незабытое
В заволжской степной стороне!
И дверь в палисадник открытая,

И тополь, примерзший к стене.
Взметает сугробы над крышею,
Как в детстве, крутая пурга.
Мелодии сказок услышанных
Ведут сквозь туман и снега.
Грущу над саманной избушкою,
Что мама ушла не спеша.
Со сказками доброго Пушкина
Её отлетела душа.

* * *

Саманная избушка снесена.
Состарясь, в бездну канула ограда.
И вместе с ней акация, что рядом,
Бунтующе кипела у окна.
И лавочка, где сиживали мать,
Лобашкин Яков, баба Кузнечиха...
Души не бережи - в округе тихо,
И старины далёкой не слышать.
Стоят дома. И каждый день и миг,
Антеннами прокалывая тучи,
Державно смотрят из-под крыш могучих,
Как из-под шлемов, окнами на мир,
Где речка тянет ленту меж ракии,
Неспешно опоясывая поле.
И на полсвета для великой воли,
Как для кольцовской песни, путь открыт.
Но всё ж в окружье вётел и лугов
И музыка, и люди - всё иное.
И не вернуть забытое былое,
Как не вернуть ушедших стариков.

ПАМЯТИ ОТЦА

Прости, отец, что не успел
К тебе живому.
Шепчу в слезах: «Осиротел» -
Родному дому.
На крыше выдохся скворец,
Притихла птица,
Ступают люди на крылец
С отцом проститься.
Сказал сосед седой, как дым:
«Без деда плохо.
Ушел от нас, а вместе с ним
Ушла эпоха».
Эпоха чести и труда,
Отцова доля.
Его извечная страда
Осталась в поле.
Под семьдесят рабочий стаж,
Не в стаже дело.
Душа к земле до смертных чаш
Не охладела.
Дай, Боже, так вот бы и мне
Прожить на свете.
И горький плач в июньском дне

Уносит ветер.
Среди полей, хлебов и троп
Стенанье рушу.
Могильщик гвоздь вбивает в гроб,
А словно в душу.
Шепчу в слезах: «Осиротел» -
Родному дому.
Прости отец, что не успел
К тебе живому.

* * *

Проливные дожди прошли -
Небывалые травы встали.
Заходили волною дали -
Под волной не видать земли.
Утопаю по грудь в реке,
Пересыпанной иван-чаем.
Клён, сорочье гнездо качая,
Суетится на сквозняке.
Душу славно бодрит чебрец
Несравненной славянской волей.
Дали светлой, родному полю
Как бы радовался отец!
Он вошел бы с косой в рассвет,
С древним русичем статью схожий.
Как бы радовался, о Боже!..
Да отца уж на свете нет.

РЕБЯТА ЕХАЛИ В АРТЕК

Ребята ехали в Артек
Из дальних мест родной Сибири.
До ночи не смыкали век:
Как всё прекрасно было в мире.
Вослед разъезды и леса,
Качаясь, плыли и летели.
Ребята, веря в чудеса,
В окно восторженно глядели.
Да разве кто подумать мог,
Что миг всего до катастрофы? -
Не воскресят ребят ни Бог,
Ни эти плачущие строфы.
Жестокий взрыв потряс поля,
Лавины пламени гудели.
Рвалась и плавилась земля,
Как на войне при артобстреле.
А где же люди, поезда? -
Не разобрать в смертельном дыме.
Кого-то пощадит беда,
Кого оставит молодыми.
Наутро хлынет тишина
Едва проснётся солнце в мире,
Как содрогнётся вся страна
От крика матери в Сибири.

ПАМЯТИ ДРУГА

Ветра. Дожди. Промокло поле.
До нитки старый клён промок.
Ни в дождь, ни в снег Косенко Толя
Не забежит на огонёк.
Не возвратится на мгновенье.
Ничем нельзя ему помочь.
Навек обрел уединенье -
Ушёл в кладбищенскую ночь.
И слёзы были, и рыдания,
И водка на помин была.
Ушёл. А жаждал сострадания,
Не принимал ни лжи, ни зла.
Пред нищим - двери нараспашку!
Наугощает от души.
Отдаст последнюю рубашку,
Отдаст последние гроши.
Он пил с друзьями. И с врагами,
Чтоб стали чуточку добрей.
Не мог ни жестом, ни словами
Обидеть праведных людей.
А вот его-то - знает каждый -
И обижали, да не раз.
Никто не верил, что однажды
Оставит, кающихся, нас.
Скорбит его изба пустая -

Семейство, жаль, не заимел.
Скорбит и женщина простая,
Какую сватать не посмел...
Я с ним прошёл огни и воды:
Чудил, влюблялся и страдал.
И в детстве, в горестные годы,
Как вся Россия, голодал.
Чтоб выжить, сусликов ловили
Среди прожаренных полей.
И в пору жатвы брали вилы,
Как под Ежами голавлей.
От нас трещали за деревней
Бахчи и яблоневый сад.
Тогда не ведали, что время
Не возвращается назад.
А где ж теперь ты, милый Толя,
В каком дремучем далеке?
Ну кто споёт о русском поле,
О тонком чудо-колоске?
Ужель не слышишь, как равнина
Клокочет хлебною рекой?..
А мы с братаном у камина
Сидим и пьём за упокой.
Ты нашим был единоверцем,
Добром пронизанный насквозь.
Не оттого ль до срока сердце
От доброты разорвалось?..

ЗАДОХНУЛСЯ БАЯН...

Ветер. Холодно. Тяжко.
Траур пашен вокруг.
Умер Бортников Сашка,
Мой студенческий друг.
Баянист. Запевала.
Золотой острослов!
Разве смертушке мало
На земле стариков,
Коль такой мужичина
Чернобров да удал,
Не познавши кручины
В чистом поле упал?!
Живы роща, округа.
Жив лучинушки свет.
Только звонкого друга -
Как ни выкричись - нет.
Душу нечем утешить.
Не понять одного:
Как прожить без потешек
И без песен его?..
Словно птицу в полёте,
Спрятал в бездне туман.
На пронзительной ноте
Задохнулся баян...

Памяти Симы Адамовой

Из заволжского села
Увела тропа нежданно.
На краю земли жила,
У подножья океана.
Живо спорились дела,
А в делах ты - заводила!
Как любви пора пришла -
Несказанно полюбила.
В доме добрый человек:
Камчадал, творец, художник.
Ах, как мчится бурный век! -
Оглянуться невозможно.
В год, когда гремел вулкан.
И метал под звёзды вспышки,
Стал великий океан
Крёстным крохотной Иришке.
Только жить бы да любить,
Чтоб завидовали боги!
Верной быть, счастливой быть...
Да беда уж на пороге.
Словно звёздочка во мгле,
Ты погасла в песнях лета.

Без тебя мне на земле
Нет радости и света.
Не успели мы с тобой
Вспомнить то, как жили-были,
Как студенческой гурьбой
Волгу-матушку будили.
Как делили пополам
Песни, шутки, хлеб когда-то.
И завидовали нам
По-хорошему ребята...
Ах, слова! Ну что слова?
Пламя гаснет и в печурке.
Ты жила... Но ты жива! -
Продолжаешься в дочурке!

ЖИВ ТЫ СЕРДЦУ МОЕМУ

Памяти Александра Шишкина,
трагически погибшего от рук бандитов

Парень крепкий: плечи - скалы!
Двадцать - больше и не дашь.
Черночубый, разудалый,
А характер - волжский, наш.
В счастье верное и в горе
Зачинатель добрых дел.
Ни в труде, ни в жарком споре
Негодяев не терпел.
Ты любил ребят попроще -
Сам простак, в душе весна
И берёзовая роща,
Да озёрная волна.
Соловьёно голос лился
В верхних нотах, как хотел:
То над полюшком кружился,
То над Волгою летел.
А девчата хороводом,
Взгляд не пряча, за тобой.
Мы дружили. Год от года
Шли единою тропой.
Ты придумывал мотивы,
Я к мотивам тем - слова.

Распевала их крикливо
Общежитская братва.
Отучившись, уезжали
На село творить хоры.
И друг другу письма слали,
Ждали встречи до поры.
Но в заречье днём туманным
Рухнул ты, как в вихрь ветла.
Что ж так рано, что ж так рано
Смерть тебя подстерегла?
Друг, соавтор и ровесник,
Неужели в прошлом дни?
Ты ж дарил такие песни -
До сих пор живут они!
В них напев родного края -
Край родимый не избыть.
Песни, друг, не умирают,
И ножом их не убить.
Ты не умер - в небо взвился,
Видно, был оттуда зов.
Песней в людях растворился,
Как Есенин и Рубцов.
Не видал твоей могилы -
В смерть не верю потому.
Друг сердечный, друг мой милый,
Жив ты сердцу моему.

Снега бросает ветер бойкий.
Деревья горбятся в саду.
А где-то на больничной койке
Мой друг лежит в полубреду.
А я, не верящий ни в Бога,
Ни в чёрта с давних детских лет,
Молю ему большой дороги
И веры в будущий рассвет.
Молю, чтоб день пургой объятый
Вдали до срока не угас.
Не верю в ранние закаты -
Они пока что не для нас.
Ещё мы встанем кругом тесным,
Откинув белые виски,
Споём студенческие песни
У Волги-матушки реки.
Пускай была нелёгкой доля,
Пускай пронизывал сквозняк,
Но в нас родник добра и воли,
И оптимизма не иссяк.
Мы от родительского дома
Пойдём опять, свой труд верша.
Нам жизнь залечит переломы -
Не надломилась бы душа.

* * *

Сердце сжалось от боли.
Слёзы выстудил снег.
Нет Оглоблина Толи,
И не будет вовек.
В мире зла и тревоги
Отлюбил, отстрадал.
Смерть настигла в дороге -
От инфаркта упал.
Жил - душа нараспашку -
Самых добрых добрей.
И последней рубашки
Не жалел для друзей.
Невзирая на даты,
День-деньской шоферил.
Торопился куда-то,
Глушь Руси не корил.
А корил зубоскалов,
Излучающих зло.
С Толей в стужу бывало
Мне легко и тепло.
Подбодрит, коль устанешь,
Доброхот-хлебосол.
Если в гости нагрянешь,
Всё что в доме - на стол!

Как бы ни было тяжко -
На миру не грустил.
Двух дочурок и Сашку,
Сына-кроху растил.
Ах, как трудно смириться,
Что уже отлюбил!..
Снег колючий змеится
Посредине могил.
Даль как белая плаха.
Ветер стонет навзрыд...
Боже, сколько же плакать
Нам ещё предстоит?!

* * *

Что ж ты, ветер, гудишь,
Будоража просёлки?
Снова - вдребезги тишь,
И не склеить осколки.
Посредине полей
Тучи мечутся в страхе.
В клочья рвут с тополей
Золотые рубахи.
Листья с кручи сползли,
Тонет в свистах округа.
И маячит вдали
Тень умершего друга.

* * *

«Кто был любим,
кто вовсе не был,
Кто хамом слыл,
кто добряком -
Уйдут от нас в глухую небыль
На равноправии одном».
О, друг, слова опровержимы!
Позволь, я буду возражать.
Насчёт «уйдут» - неоспоримо,
О «равноправье» - как сказать.
Добряк и хам и в круговерти
На разных были полюсах.
И так же будут после смерти:
Хам в забытии.

Добряк в сердцах.
Добряк войдёт в кино и книжки -
Добряк творил высокий труд.
А хама тёмные делишки
Одновременно с ним умрут.
И, наконец, совсем не плохо
Напомнить истину - итак:
Хам прорастёт чертополохом,
А незабудкою - добряк!

СМЕРТЬ

Смерть безжалостно косит
И друзей, и врагов.
Никого не расспросит:
Много ль, мало ль грехов?
Косит всех под гребёнку,
Как под Курской дугой,
От малютки-ребёнка
До старухи седой.
Чашу смертную каждый
Выпивает до дна.
Видно, мучает жажда
Без такого вина.

БЕССМЕРТЬЕ

Валерию Осипову

Мы с тобою, друг, бессмертны,
Если в нас пути кружат
Да поют и рвутся ветры
Горевых и добрых жатв.
Если в нас полынь и вежа,
Песни предков и мольба.
Если в нас живёт от века
Древнерусская изба.
Проступает незаметно,
Как заря, потомков рать...
Мы с тобою, друг, бессмертны -
И не страшно умирать.

* * *

Туча виснет над дорогой,
Куст глядит в овраг.
Непонятною тревогой
Дышит в душу мрак.
Тянут щупальца коряги,
Жуть не превозмочь:
То ль останешься в овраге,
То ль сорвёшься в ночь?
Белый свет пространство метит
Стаями ворон.
Страшно, если дует ветер
С четырёх сторон.

* * *

Где-то смеётся июнь:
Великолепен и юн.
Небо звенит синевой,
Луг зарастает травой.
Ветер с кугой говорит,
Ива листвою парит.
Тянется птица к ручью...
Я ж - тротуары топчу.
Город во зле, как в смоле.
Надо скорей бы к земле.
Если душою устать -
Можно и век протоптать.

В ПУТИ ЖАРА

В пути жара страшной неволи,
Кипит и плавится зенит.
Трава, как проволока, в поле,
Споткнёшься - мигом зазвенит.
Тропа истрескалась, как губы
От дикой жажды к питию.
Горячий ветер воет в трубы,
Что ты у жизни на краю.
Завет оставить - нет бумаги.
Не дай, Господь, чтоб сердцем сник.
Поверишь в чудо, коль в овраге
Блеснёт спасительный родник!

* * *

Когда дорога плавится
от солнца,
Во рту песок дерёт,
как наждаком,
Вдруг силуэт костлявого колодца
Покажется за чахлым ивняком.
Не надо говорить,
какое чувство
Испытывает путник в этот миг.
Но в той бадье
воды студёной буйство
Ценней даров земных
и неземных.

ДЕРЕВО

Рядышком с берегом
Мёртвое дерево.
И ствол без коры -
Прошлись топоры.
Видело многое:
Время убогое,
Разгулы весны
И звон тишины.
Бурю гремучую,
Солнце над кручею...
Да рухнет вот-вот
В задумчивость вод.
Рухнуть бы рухнуло
Сколько б ни ухало,
Да, зноем пыля,
Всё держит земля.

* * *

Разлохматив шустро кроны,
Оживили даль леса.
Синей речкой мир зелёный
Затопили небеса.
Свет прекрасен и огромен,
С каждым утром веселей.
Мир, добро и радость в доме -
Значит, мир в душе твоей!

* * *

Пока в тебе и лес, и поле,
И даль в сиреневых кустах -
Отступят прочь вражда и боли,
Отступят пасквиль, злоба, страх.
Шагай дорогой бесконечной,
Дела посильные верша.
Но веруй в то, что в жизни вечной
Живой останется душа.

ЗАСТОЛЬЕ

Анатолию Косенко

Не допита бутылка -
Не до водки пока.
Разухабисто, пылко
За столом земляка.
Чуб откинув белёсый,
Полутрезв, полупьян,
Задаёт мне вопросы
Добрый Толя Касьян:
«Где же лучше живётся,
Ну, ответь-ка, поэт?
Может, где как придётся,
Может, там, где нас нет?
Вот уже ты давненько
На чужой стороне,
А в своей деревеньке
Было б лучше вдвойне.»
Погоди ж ты, ах, Толя,
Я отвечу тебе:
Дом родимый, как поле,
До кончины в судьбе.
Легче было б, конечно, -
Каждый знает меня.
Здесь и род мой извечный,
И друзья, как родня.
Вдалеке по-другому:

Битым крепко бывал.
Падал с горюшка в омут -
На костях восставал.
Снова складывал песни -
Становился бодрей.
Мир, дружище, известно,
Не без добрых людей.
Помогли. Поддержали.
Пожурили, любя.
Что не знал - подсказали.
И поверил в себя.
Я поездил по свету.
Сколько ездил, Бог весть.
Лучше там, где нас нету? -
Ерунда! Там, где есть!
Лишь бы край свой приемля,
Ты друзей не забыл.
И славянскую землю,
Словно пахарь, любил.
В остальном же, ей-Богу,
На любой стороне
Злопыхателей много,
А хороших - втройне!
Погутарили славно.
Ну-ка, Толя, налей.
Тост позволь самый главный:
«За хороших людей!».

РАДОСТЬ

Всем восторжен, всем доволен!
Плещет радость на виду
Одуванчиковым полем,
По которому иду.
Плещет облаком, что ёлка
Раскачала на ветру.
И сиреневым посёлком
С петухами поутру.
Жаворонковою песней,
Стрекотанием сорок...
Как не радоваться, если
Посадил картошку в срок?!

ИЮНЬ

Отметелил пухом тополиным,
Шапки с одуванчиков сорвал.
Разноцветил горы и долины
И грома по небу разметал.
Рожь и травы пышно разневестил,
Косарей собрал на сенокос.
Для влюблённых под баян да песни
Сотворил свиданье у берёз.
Чтоб в потёмках с тропки не свернули,
Светлячки по лесу раскидал.
И тогда легко июнь июлю
Лето во владенье передал.

ПЛЕН

Видать, не вырваться из плена,
Когда травище по колено,
Когда хлеба стоят по грудь
И перерезан к воле путь.
А сверху синью даль дымится,
И трель развешивает птица...
Я в плен такой, откинув грусть,
Без промедления сдаюсь.

* * *

Позабыл недуги и недоли,
Тяжкий путь оставил за спиной.
Синевой бездонною и полем
Лето разметалось предо мной.
Птицы, реки, рощи, луговины
Прочищают ветром голоса.
Облака ершисто над равниной
Поднимают спешно паруса.
Отплывают близко ли, далёко ль,
Может быть, за тридевять земель.
Только вот, пожалуйста, до срока
Не садитесь, странники, на мель.
С вами в путь рванусь на зорьке ранней
В дальний край, за вечный небосвод.
Перистое облако не зря мне
Уронило пёрышко в блокнот.

* * *

Дышу полынью и укропом,
Дышу хлебами и травой.
И даль раскатывает тропы
Во все концы передо мной.
Мои травинка здесь и колос,
Любовь и радость, и тоска.
И здесь куда слышней мой голос
И откровеннее строка!

* * *

В. В. Щанькину

Ковыль отбуянил. Затишье
Тропинки в объятья берут.
Охотится кобчик за мышью,
Слетаются утки на пруд.
Доносится плеск приводнения,
Глодают волну камыши.
И вновь немота и забвенье
Забытой Всевышним глуши.
Пейзаж незаметен кому-то,
А я чуть не плачу пред ним:
В судьбе беспокойной и лютой
Он кажется домом родным.

* * *

Закат. Безмолвие. Курганы
Плечом поддерживают высь.
В низине проблески тумана.
В ночное кони подались.
Над речкой вётлы чешет вечер,
По круче тени распластав.
И светлячки включают свечи
Среди задумавшихся трав.

ПРЕДУТРЕННЯЯ СТЕПЬ

Не спеша, туман в долу дымится,
Чуть касаясь ключьями степей.
Засвистели суслики и птицы,
Прокатилось ржанье лошадей.
Шевельнул кусты, проснувшись, ветер,
Солнце подогрело ковыли.
Утро начинается на свете,
Замаячив сёлами вдали.

ЖАВОРОНОК

Над былинкою тонкой, над колосом,
Над ручьями, что в дол подались,
Жаворонок разливистым голосом
Опоясал прозрачную высь.
То на капельки песня расколется,
То рекою возьмёт в оборот.
Даже странник в полях остановится,
Запрокинув лицо в небосвод.
Да кому же певец не приглянется -
Мир от века искусством завлёт.
Рожь за музыкой медленно тянется
И на цыпочки встал василёк.

КОРШУН

Коршун ткёт крылами утро:
То ль выслеживает мышь,
То ль утят, что с уткой мудрой
Лихо сгинули в камыш.
Угадай, что мыслит коршун,
Что в его степной судьбе?
Я-то знаю: вечно коршун
Тащит небо на себе.

ТИШЬ

Над озером облако. Тишь.
Сазан раздвигает камыш.
Сорока на диво молчит,
И дятел в ольху не стучит.
Под берегом цапля. С утра
Волну не качают ветра.
Не трогает коршун утят,
Лягушки в куге не скрипят.
И стриж, и природа, имышь
Внимательно слушают тишь.

* * *

Протекает солнце сквозь ветлу,
Сушит листья, схваченные влагой.
Закачался ветер. А в доли
Травы пьют росины под корягой.
От прохлады ёжится кустарник -
Хочется ещё позоревать,
Да на круче новый день татарник
Объявляет - глаз не оторвать!

* * *

Дремлет запад. Нежится в тумане.
А восток, тропинки указав,
На лугу росой зорьке ранней
Протирает синие глаза.
Медленно оттаивает небо,
Обозначив реки и леса.
Над селеньем, над высоким хлебом
Рассыпают птицы голоса.
Дышат трелью лилия и ветка,
Дышит трелью утренняя высь.
Голоса моих далёких предков
С птичьими не зря переплелись.

ОТРАДА

Уток видел, щуку тоже,
Куропаток тоже зрил.
Над равниною пригожей,
Как журавушка, парил.
Что ж ещё для счастья надо?
Да, наверно, ничего.
Степь - дыханье и отрада,
Выплеск сердца моего.

* * *

Тропинка, таволга, овёс,
Цеха кузнечиков стрекучих
Да стайка взбалмошных стрекоз
По-над речушкою певучей.
От речки в лапах ивняка
Сочится медленно прохлада.
Но вот и первая строка,
А что ещё для песни надо?!

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Словно камни, бранные слова
В мир летят из кряжистого дома,
Где стоят - под солнце! - деревья.
К чёрту брань! О, друг мой незнакомый,
Кто из вас не прав - судить не мне.
Выйди лучше ты за огороды
И побудь часок наедине
С несравненной русскою природой.
Рядом желтоглазые цветы
Щурятся от солнечного света.
Столько в них добра и красоты,
Столько в них чарующего лета!
Мимо тихо женщина пройдёт
С крохотной ромашкой на ладони.
И тебя походкой всколыхнет -
Что пред ней красавицы Джордоне?!
А вдали волна о берег бьёт -
Теплоходы шествуют по Каме.
То ли коршун, то ли самолёт
Высоко парит под облаками.
Ветер, набегающий с полей,
Как пшеницу, русский чуб колышет.
И село - на свете нет милей! -
Молодой черемухою дышит.

И плохое позабудешь ты -
В душу поле музыкой вольётся.
После этой, друг мой, красоты
Нагрубить - язык не повернётся.

* * *

Чайка зною не подвластна -
С ним справляется вполне.
День-деньской ныряет страстно,
Отдыхает на волне.
Подзаправится и снова
Вытворяет чудеса.
Полоснёт крылом сурово -
И на ленты небеса.
Замахнёт вираж покруче,
Словно падает с горы...
А воробушек на круче
Чуть не плачет от жары.

И НИКТО НЕ УДИВИТСЯ

Лес прибрежный ветер нежит,
Небо синью волны пьёт.
Лихо Каму яхта режет -
Чайкам отдых не даёт.
Рыбаки ругнут на ушко -
Взгляд прикован к поплавку -
Подготовят закидушку,
Как метафору в строку.
И никто не удивится -
Удивляться-то чему,
Если завтра повторится
Капля в капельку тому.
Кинет солнце россыпь бликов -
Задохнётся синева,
Как над Камою великой
Невеликие слова.

ГОСТЬ

Юрию Фомину

Из посёлка, где вязы да ивы,
Рассыпая лохматые гривы,
Подступают вплотную к домам,
Гость желанный пожаловал к нам.
Как велось на Руси, угощали -
Аж столы от закуски трещали!
Пей, дружище, танцуй и пой! -
Завтра город посмотришь мой.
Перечислить где были? Едва ли.
За неделю всего повидали.
Подбодрившись в кафе коньяком,
Город Пермь измеряли пешком.
Что с того, что порой уставали -
В галерее зато побывали:
Деревянных Богов показал,
Об искусстве, как мог, рассказал.
Хоть с трудом, но достали билеты,-
Подышали величием балета,
О котором не только Москва -
Не скупится и мир на слова!
По Сибирскому тракту кружили -
Стариною дремучею жили.
В век двадцатый издавека

Возвращала нас Кама-река.
Ну и как, дорогой человеке?
- Ничего. Подивиться-то нечем.
Город как город. Гарь до небес.
А когда ж мы отправимся в лес?
- Во даёшь! Поражаешь, признаться,
Ну да ладно. Недолго собраться.
Извини, что не смог разгадать.
А до леса - рукою подать...
Растопырившись, высятся ёлки,
Робко трогает ветер иголки.
Глянет солнце одним из лучей -
И падёт незаметно в ручей.
Вдоль ручья светлоликие ивы
Мирно чешут искристые гривы.
Колыхается тихо мотив
Тонколистых развесистых ив.
Гость примолк. Затаился и слушал.
Перед лесом распахивал душу.
Как во храме стоял, замерев,
Гладил тёплые листья дерев.
Припадал к доверительной иве
Поэтическим ликом счастливым.
Выдыхал еле слышно под ней:
«-Ах, как родиной пахнет моей!»

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВИРШИ

Пронюшкину П. И.

Стучат дожди по тёмной крыше,
А в доме славно и добро.
Мои студенческие вирши
Читает Пронюшкин Петро.
Не по листку - на память шпарит
Легко, с улыбкой озорной
О житие моём в Самаре
От Культпросвета до пивной.
Вещает о любви курносой,
Одной из юношеских муз.
Я слышу, как разноголосо
Гудит студенческий союз.
Общага в знойном споре тонет,
А в каждом споре свой мудрец.
Идёт разборка о чарльстоне,
О русском вальсе, наконец.
Растают спорища недолги
И в сквере пушкинском густом,
И с поцелуями на Волге
Да под гармонику притом...
Себя студенчеством наполнил -
В душе года переплелись.

Но юных строк почти не помню -
Видать, стихи не удались.
Я не жалею, не кручинюсь,
Когда мы вместе - мир велик!
А ну-ка, братец, для зачина
Налей мадеры под шашлык!
Мы выпьем, чувствуя волнение -
Не за стихи, что позабыл,
А за Петра, что на мгновенье,
Но всё ж мне юность возвратил!

* * *

Зазвенели струны
Улетевших дней.
Вспоминая юность,
Я грущу сильнее.
Осень по-над Волгой.
Журавли кричат.
Отчего ж так долго
Крики их звучат?..

МАЛЬЧИШНИК

Проручьилось вёсен много.
Старых песен не поют.
Но не верю ж я, ей-Богу,
В холостяцкий неуют.
Не забыть лихой мальчишник:
Пополам и хлеб, и смех.
Поговорка: «Третий лишний!» -
А для нас, как в мае снег.
Вместе в клубе, на эстраде,
Но к девчонкам мы никто.
Хоть друг друга шутки ради
Ревновали к ним потом.
В танце радостно кружились -
Ух, как девки горячи!
И, конечно, часто снились
Нам волжаночки в ночи.
Риты, Веры и Татьяны -
Словом, каждому своя.
Душу песнями баяну
Изливали не тая.
И записки сочиняли -
Почтальон, конечно, свой.
Друг в любви клялся Вале,

Почтальон вручал другой.
В нашей комнате двадцатой
Мы повесили портрет:
Смотрит грозно вождь усатый,
Проливая мудрый свет.
Знали, Сталин под запретом.
Не учли. А нам: «По-зор!»
Кульпросветским педсоветом
Выносился приговор.
Общежитие гудело.
Да простит нам вещий Бог,
Скажет Бусов: «Было дело,
А точней - переполох».
За проделки из общаги
Вытрясали. Да не раз.
Утопали в дымной браге -
Искры сыпались из глаз.
Но давали власти слово,
Покаянные стихи.
И директор эЛ. Ключкова
Отпускала нам грехи.
Сашка, чёрт, встает бывало,
Ночь так ночь, но будит всех:
«Посмеёмся, братцы, малость -
Прибавляет крови смех.»

И лежим, вовсю хохочем,
Словно в юморном кино.
То, что будет, не пророчим,
Нам, признаться, всё равно.
Где ж вы, рыцари общаги?
Вспоминаю часто вас.
Утонули б в дымной браге,
Да не встретились ни раз.
Проручьилось вёсен много.
Старых песен не поют.
Но не верю я, ей-Богу,
В холостяцкий неуют.

* * *

Знакомо всё и незнакомо,
Но сердцем чувствую - впервой:
Весна метелями черёмух
Меня прикрыла с головой.
Не знаю, выбрался б на волю
Или сидел бы до сих пор,
Но песню вызвенело поле -
За нею вышел на простор.
Ветра шумели, синь клубила.
А где певунья, где она?
Наверно, снова пошутила
Со мной насмешница-весна.

ЗАРАСТАЕТ ТРОПОЧКА

Подорожник вьётся густо -
Зарастает тропочка.
Без тебя на сердце грустно,
Ненаглядный Стёпочка.
А гармонь поёт и плачет,
Сыплет прибауточки.
В ночь уходишь ты рыбачить -
Поломала б удочки!
Хороша ль, плоха ль погода -
Видно, ждать мне нечего.
И откуда взяли моду:
На рыбалку с вечера?
Утром сонный он, как муха,
Бродит, спотыкается.
И не зря над ним старуха
Злобно усмехается:
«С ним жене быть одинокой,
Как былинке в полюшке.
Жить с таким - одна морока,
Лучше век в неволюшке».
Хоть не верю наговору,
Да густеет тропочка.
Так меня ты очень скоро
Прорыбачишь, Стёпочка.

Я ПОЙДУ ДРУГОЮ СТЁЖКОЮ

Тихий вечер пахнет травами.
Месяц дремлет на сосне.
«Гармонисту ты понравилась», -
Говорят подружки мне.
Ходит он по тропке узенькой
Мимо дома, как назло.
И своей весёлой музыкой
Зазывает за село.
Видно, думает, что с радостью
За гармошкой побегу.
Только я к нему подладиться,
Как другие, не могу.
Он какой-то парень ветреный,
Объяснялся - не одной!
Говорит слова заветные,
Как по книжке записной.
И, конечно, не понравится
Мне навязчивый такой.
Пусть в районе даже славится
Он отличною игрой.
Я пойду другою стёжкой,
Не подумаю тужить.
Но вот, как же быть с гармошкою?
Без неё мне не прожить.

ЕСЛИ МИЛЫЙ ПОПРОСИТ РУКИ

Милый мой,
Как пленителен вечер!
Мы идём вдоль задумчивой
Тихой реки.
А в кустах соловьи,
Видно ждут, что отвечу,
Если милый, осмелясь,
Попросит руки.
Жду и я,
Но дождусь ли? Едва ли.
Да и вы не дождётесь,
Друзья-соловьи.
Лучше трелями в ночь
Перепутайте дали
И поведайте миру
О верной любви.
А весна
За селом половодит.
У подруг отневелились
Свадьбы давно.
Но мы той же тропой

Вдоль по реченьке ходим.
Только звёзды считаем,
Как в старом кино.
Милый мой,
Попроси - я отвечу
На твоё предложение,
На чувства твои.
Неужели опять
В этот сказочный вечер
Не подскажут тебе
О любви соловьи?!

ПОЁТ ДУША

Плывёт моторочка
Протокой узкою,
Плывёт вдоль ивушек
И камыша.

Баян доносит мне
Да песню русскую -
Под каждой кнопочкой
Поёт душа.

Слова сердечные
Друг с дружкой вяжутся,
Как в чистом полюшке
С тропой тропа.

И в песне верной той
Воочью кажется,
В чужой судьбинушке
Моя судьба.

Берёзка юная
Русоволосая
Да в речку смотрится,
Любовь тая.

Берёзка юная
Да в песню просится,
В которой встретилась
С любимым я.

Плывёт моторочка
Протокой узкою,
Плывёт вдоль ивушек
И камыша.

А мы с милёночком
Под песню русскую
Всю ночь целуемся -
Поёт душа!

НЕ БЕДА, ЧТО МНЕ ПОД ТРИДЦАТЬ

Не беда, что мне под тридцать.
Да при чём же здесь года?
Мне ль собою не гордиться -
Парень видный, хоть куда!
Галстук в крапинку надену -
Нет отбоя от милах.
Обниму соседку Лену,
А вздыхает полсела.
Неспроста молва крадётся:
«За него бы дочь отдать».
Жаль вас, бабы, но придётся,
Видно, разочаровать.
Ваши дочки не волнуют -
Нет милашки, чтоб влекла.
Ни одна из вас такую
Мне пока не родила.
Пусть печалются девчата,
Засыхают на корню.
Не сменю вот так случайно
Холостую жизнь свою.
Что останусь неженатым,
Очень-то не загрущу.
Но зато за вас, ребята,
Всем девчатам отомщу!

ПО СЕЛУ ХОЖУ С БАЯНОМ

По селу хожу с баяном.

Настрадался вдоволь я.

Что ж ты спать ложишься
рано,

Ясноглазая моя?

Я принёс букет ромашек,

А дарить его кому?

На любовном фронте
нашем,

Что творится - не пойму.

Хоть бы раз сказала: «Милый!»,

А то всё наоборот.

Все друзья переженились -

Десять лет как мой черёд.

Как слезинки, звёзды тают

На окошечке твоём.

Ох, никто,
никто не знает

О страдании моём.

Измывайся, что ж,
как хочешь,

Я и к этому готов.

Ну а завтра, между прочим,

Я зашлю к тебе сватов!

* * *

Когда завесят мир дожди
И душу захлестнёт тоска, -
Как ни была б ты далека -
Ко мне из юности приди.
Приди в черёмуховый сад,
Пахни студенческой весной.
Приди, как много лет назад:
Беспечной, шустрой и смешной.
И песню русскую напой
О Волге-матушке реке.
Не в общежитие с тобой,
А вдаль пойдем рука в руке.
Когда ветра вспугнут зарю,
И вздрогнет росная листва,
Я, расставаясь, повторю
Хрестоматийные слова.
И Волга пенистой волной
Прижмётся ласково к ветле.
Легко растает мир ночной -
И грянут птицы на земле!
Но ты ни слова мне в ответ -
Уйдёшь ничья в иную даль.
Надолго застит белый свет,
Как туча черная, печаль.
Не повторяется весна.
Не быть с тобой наедине.
Моя любовь к тебе сильна,
Как нелюбовь твоя ко мне.

* * *

До сих пор живёт в душе тревога.
До сих пор печаль не превозмочь.
Ты ушла пустынною дорогой
В мартовскую ветреную ночь.
Ты ушла. Ни слова, ни упрёка -
Растворилась в снежной полумгле.
Без тебя мне стало одиноко
На большой безжалостной земле.
Жил в неволе, жил на синей воле,
Не моля пощады у судьбы.
Ни в тайге, ни в городе, ни в поле
Не построил собственной избы.
Жизнь была любима и постыла
На пути и гладком, и крутом.
Может, к счастью ты меня забыла,
Чтоб не быть несчастною потом?!

* * *

В минуты грусти, радости шальной
Мне видится рыбацкая лодчонка,
В которой рядышком сидит со мной
С охапкой лилий шустрая девчонка.
О, как её лелеял и берёг,
Боясь обидеть чем-то ненароком!
Силён я был и всемогущ, как Бог! -
Мне улыбались очи с поволокой.
И видел в ней я в будущем жену.
А если - думал - жизнь найдет обманы,
То шар земной тогда переверну
И выплесну в пространство океаны.
...На будущей жене женился друг.
И мне казалось непонятно странным,
Что шар земной вершил за кругом круг
И в берегах остались океаны.

СОЛОВЕЙ

Неужели ты забыла?
Ну, тогда напомню я:
Мы сидели. Звёздно было.
Поджидали соловья.
С вербой месяц обнимался,
Ветер в травах почивал.
А певец не появлялся -
Видно, цену набивал.
Но потом листочки кротко
Ворохнулись в вышине.
После паузы короткой
Трель повисла в тишине.
Посреди глубокой ночи,
Посреди ночных полей
Щелкал маленький комочек -
Древнерусский соловей.
Я хотел сказать о многом -
Не вязалась речь моя.
Что слова? Одна убогость
После песен соловья.

* * *

Ты всегда при народе,
Ты всегда на виду.
Будь ты хоть в хороводе -
Всё равно уведу!
Уведу по тропинке
Не поймёшь и куда,
Где ветра камышинки
Ворошат у пруда.
И кувшинковой стаей
На волне облака.
Дышит сказочной тайной
Старый дом лесника.
Росы падают с ёлок
От зари до зари.
Сколько хочешь иголок
На заколки бери!
А на бусы - росинки,
Чтоб сиять за версту.
Потеряешь косынку -
Из ромашек сплету!
А случится, не в радость
Ты устанешь в лесу,
Я тебя, ненагляда,
На руках понесу.

И стихи, как сумею,
О тебе я сложу.
Сам пропеть не посмею,
Соловья попрошу!..
Ты всегда при народе,
Ты всегда на виду.
Будь ты хоть в хороводе -
Всё равно уведу!

* * *

Село и река вдалеке,
А рядышком роща и поле,
Да ветер в густом ивняке,
Дарующий вечную волю.
А мы по колено в цветах,
Не слыша ни кроны мятежной,
Ни райского выщелка птах,
Целуемся жарко и нежно.
Клянемся любить до конца,
Любовь подтверждая устами.
Но вдруг - разломил небеса
Пронзительный смех за кустами.
Узрил меж летящей листвы
Мальчишью толпу озорную.
Пытался догнать, да увы! -
Толпа, как горох, врассыпную.
И гомон, как треск от костра,
Метался по лесу и травам.
И снова играли ветра,
Кивали ромашки лукаво.
Стрекозы светились в лучах,
Кудрявилась птичья рулада...
Прочел у любимой в очах,
Мол, трогать мальчишек не надо.
Конечно, о чём разговор!
Давай-ка подружимся с ними.
Совсем до недавнешних пор
Мы сами ведь были такими!

НЕНАГЛЯДНАЯ

Может в холод, может в зной
На лугу иль на причале,
Но я рад, что повстречались,
Познакомились с тобой.
Лихо ойкнула, любя,
Спешно чёлку приспустила -
Мне вполне того хватило,
Чтоб влюбился я в тебя.
Словно ива вдоль реки,
Ты плывёшь легко, изящно.
Мужики глаза таращат,
Что ж, на то и мужики!
Слух не зря во все края,
Мол, плясать и петь горазда.
Ты и в будни, словно праздник,
Ненаглядная моя!

ЦВЕТЫ ДЛЯ ТАНИ

Сухотиной-Толстой Т. Л.

Вдали над степью коршун в сини тает.
Под берегом охотится кулик.
Кувшинок белых облачная стая
Позатянула речку Каралык.
Цветы глядят из мира неземного
На мир земной: и сложный, и простой.
Глядят искристо, весело и ново,
Чаруя небывалой красотой.
О, как хотелось дочери Толстого
Разворошить кувшинковый покой!
Да только жаль, что с берега крутого,
Похоже, не дотянешься рукой.
Но взгляд прочёл киргизец кучерявый,
Красавец - сын лобастого муллы:
Галоши - с ног, швырнул рубашку
в травы -
И плюхнулся в реку из-под ветлы.
Резвясь, плескался, солнцем
освещённый,
Волной в рулоны листья завернул.
Предстал перед Татьяной и смущённо
Букет кувшинок спешно протянул,

Приняв подарок, Таня покраснела
От глаз Нагима, полных доброты.
А сердце разволнованное пело -
Впервые дарит юноша цветы!
Скорей в усадьбу. В комнате закрыться.
В постель упасть, как в майскую траву.
Листу поведать чувства и забыться,
Чтоб не понять: во сне иль наяву?
Но время даль туманило незримо,
Хотя тропинка в степи заросла:
В Париже Таня помнила Нагима,
Его, как юность, в книгу занесла.

МАДОННА

Людмиле Шавриной

I

Теперь, увы, припомнить не смогу я:
То ль хмель виной, то ль мысли оборвал,
Что не тебя, а женщину другую -
Другую несравненную назвал.
А время вихрем плакало и пело,
Гремело половодьем и грозой.
Я радовался смело и несмело
Твоей великорусскою красой:
Глаза в озёрных таинствах блукали,
А таинства - глубоки и тихи.
Каштановые локоны стекали
В мои не защищённые стихи.
Светилась ты на солнце и в потёмках -
Могучий пол без боя полонён.
Твой дивный лик оставит для потомков
Боровиковский нынешних времён.
И с полотна светло и вдохновенно
Тебе смотреть под гулкий перезвон...
Ты несравненной самой несравненной
Из окруженья пушкинских мадонн.

II

Мои стихи и в холод будут знойны,
Пока, чаруя тайной в явь и в сон,
Живёт в душе прекрасная мадонна,
Возвышеннее пушкинских мадонн.
Слегка представляю чувственные очи,
Бровей-тропинок росчерк вихревой,
Как прочь летят завьюженные ночи -
И дни лучатся вечной синевой.
А если рядом платье заполощет
Под выходкой безгрешных сквозняков,
То в сердце мигом залепечут рощи
В бурлящих перекличках родников.
Услышу голос в мягких перезвонах -
Взволнуется кувшинковый затон...
Живёт во мне прекрасная мадонна
Возвышеннее пушкинских мадонн.

ФЕВРОНЯ

«Дочь пасечника, болдинская красавица
Февронья любила А. С. Пушкина...»
Из книги «Болдинская старина»

Осень. Дождь колотит в окна. Рань.
Нехотя с постели он поднялся.
Надо же, в такую глухомань
В Богом позабытый край забрался!
Мокрый вяз трепещет на ветру,
Тучи нескончаемо суровы.
В Питере собратья по перу.
И в Москве осталась Гончарова.
А дороги страшно далеки!
Возвращаться, видимо, не скоро.
Никуда не деться от тоски -
Не вдохнуть ли вольного простора?!
Вот его ведёт не торопя,
Скользкая лысеющая стёжка.
Незаметно даже для себя
Оказался Пушкин у сторожки.
Пахнувшая мёдом молодым
Пасека под липовою кроной.
Здесь-то и предстала перед ним
Русская красавица Февронья.

Истинно славянские черты:
Статна, светлокоса и румяна.
Не с неё ль бессмертные холсты
Долгий век писал Венецианов!?
Чья ты? -

Пушкин выпалил, дивясь.

- Батюшкина я! - и засмеялась.
А вдали, левадою светясь,
Болдинская осень занималась.
Листья опадали с ивняка,
Золотя нахохленные кручи.
Растворялась в небыли тоска,
Словно морозящиеся тучи.
А Февронья радостно его
У сторожки ветхой дожидалась.
И сама не ведая того,
Что стихами осень продолжалась.
Столько в сердце горьких перемен,
Как молитвою заговорила!
Ничего не требуя взамен,
Просто несказанно полюбила.
Пушкину до смерти не забыть
Пасеку под липовою кроной.
Осень Болдинской могла не быть -
Не явись красавица Февронья.

* * *

Вошла без вызова, спокойно.
Полна внимания ко мне.
И стало солнечно и знойно
В пустой квартирной тишине.
И скоро станет день вчерашним,
Но вот смогу ль его забыть?
О, как ответственно и страшно
Такую женщину любить!

* * *

Нам идти бы с тобой да идти -
Ни о чём не жалеть и не каяться.
Чтобы лес да поля на пути,
Да заросшие ряскою старицы.
Чтобы ветер, целуя цветы,
Ворошил наши светлые волосы.
Чтоб от радости плакала ты
И стихи бы читала вполголоса.
А простор бы, сквозь синеву,
Укрывал нас белесыми ивами.
И не страшен ни дождь нам,
ни зной -
Ах, какими б мы были счастливыми!
Так легко и свободно идти,
Ясно видеть, как день начинается.
Нам идти бы...
Да лог на пути,
А у лога тропа обрывается.

* * *

Ну что ж, уезжай. Не держу.
Как ведают, вольному воля.
Ни в чём я тебя не сужу,
Не сыплю на ссадину соли.
И всё ж иногда вспоминай
Среди бездорожий далёких.
Но душу свою не терзай,
Что я остаюсь одиноким.
Таких миллионы в стране,
А в мире огромном - тем боле.
Хотя одиночество мне
Страшнее и пуще неволи.

* * *

Тебя всю жизнь мне ожидать,
В погожий день или холодный.
Имею ль право осуждать,
Что ты беспечна и свободна,
Что независима, вольна,
Что заразительно хохочешь,
И, как прикамская весна,
Сиренью голову морочишь?
В любую глушь, в любую даль
Летишь стремительно на скором.
Отговоришь тебя едва ль -
Ты не подвластна уговорам.
Права ты или не права -
Не будет никаких признаний.
Ты скажешь старые слова:
Что вечно жизнь из расставаний.
И так же будет чист простор,
И так же будут зной и ливень.
Но не пойму я до сих пор:
Ославишь или осчастливишь?

* * *

Ох, как долго, милая, как долго
Мы опять не виделись с тобой!
Скоро вновь у вас за синей Волгой
Над землёй запляшет листвобой.
Распахни в саду калитку настезь -
Будут листья падать в тишину.
Может быть, я в этот день ненастный
Крохотным листочком промелькну...

* * *

Я с тобою не знаю беды,
Я с тобою не знаю недуга.
Без тебя ж я, как в зной без воды,
Как пустынный в изгнание без друга.
Задыхаюсь на жутком ветру.
Так и кажется мне, что однажды
Не увижу тебя - и умру,
Словно путник от яростной жажды.

ВЕРНОСТЬ

Маргарите

Сколько зим и сколько лет
В зной, в мороз и в дикий ветер
Ты живёшь на белом свете,
Излучая дивный свет?
Не считаю январь
Над метельною избою -
Я свечусь одной тобою
От зари и до зари.
Век-то вроде на краю,
Тихо в бездну отлетает,
Но, как прежде, я вырастаю,
Словно колос, в жизнь твою.
Сколько зим и сколько лет?..
Я не ведаю, не знаю.
Лишь бы ты жила, родная,
Излучающая свет.

ЖЕНЩИНА ПРЕКРАСНАЯ МОЯ

Где ж найти мне музыку и слово,
Чтобы спеть звончее соловья:
Я тобой пленён и околдован,
Женщина прекрасная моя!
Светлый лик веснушками помечен,
А в глазах - лукавинка и зной.
Волосы, текущие на плечи,
Плещутся прозрачною волной.
Запоёшь - откликнутся гармони,
Сбудутся желанные мечты.
Солнце засмеётся на ладони,
Освежатся росами цветы.
Проплывёшь лебёдушкой незримо -
Мир предстанет в счастье и в тепле.
Радуюсь, что Господом хранима,
Ты живёшь со мною на земле.

ВЕСНА СПЕШИТ

С толпой грачей весна спешит.
Уже сугроб ручьём прошит.
Сосульки падают, звеня,
Их звон уносит вдаль меня.
Другие вижу времена,
Другая видится весна.
Над речкой солнце на весу.
Цветы - подснежники несусь
Девчонке в кофте голубой,
Что мне обещана судьбой.
Сию с ней в радужном краю,
С припухших уст смешинки пью.
Клянусь любить... За годом год
Земля вершит круговорот.
Струится с вербы дивный свет,
Но только рядом больше нет
Девчонки в кофте голубой,
Что мне обещана судьбой.
Хотя, как встарь, весна спешит...
Сугроб насквозь ручьём прошит.

НЕЖНОСТЬ

Галине

Соглашаюсь в неизбежности
Злого горя и вестей.
Но позволь напиться нежности,
Жаркой нежности твоей.
Отыщу святую родинку,
Что таится на груди.
Ах ты, родинка - смородинка,
В юность снова уведи.
Много я по свету странствовал,
Был любим и нелюбим.
Хоть кручинился, но здравствовал,
Как положено младым.
А теперь, увы, не радуюсь -
Вьюга тронула виски.
Будь же ты моею радугой,
Всем наветам вопреки.
В годы горькие рябинные
Не отталкивай меня.
Может греюсь я, любимая,
У последнего огня.
Никогда, молю, не спрашивай
О развенчанном пути.
Боль мою улыбкой скрашивай
И свети, свети, свети...

СПАСИБО ТЕБЕ

Спасибо тебе, Валентина,
Что свидеться не довелось,
Что снова седая равнина
Отправила стёжки поврозь.
И ты огородом сумела
Торопко уйти стороной.
А может быть, ты не посмела
Старухой предстать предо мной?
Ведь времени мы, к сожаленью,
Подвластны, как птицы, как сад.
По-щучьему даже веленью
Не сможем вернуться назад.
И всё-таки правда осталась,
Хоть правда, конечно, горька:
Ты просто увидеть боялась
В чубатом юнце старика.

В АВТОБУСЕ

Автобус мчит под девяносто,
Селом сменяется село.
В салоне полное удобство:
Свежо, свободно и светло.
В мечтанья путники впадают,
А кто-то в сон под шум колёс.
Скорей доехать бы до края
Родимых вётел да берёз!
Но тут испортилась дорога -
И сразу страхи поползли,
Мол, не добраться нам, ей-Богу,
Ни в Куеду, ни в Дюртюли.
А хуже - рухнем в пропасть с кручи,
В глазах у женщины прочёл.
Бывает в жизни всякий случай,
Но этот как-то не учёл.
И холодок души коснулся -
Улыбки тут же стороной.
В реальность медленно вернулся.
Пока не время в мир иной.
А солнце в окна брызжет летом,
Протёртом травами лугов,
Звонящим выпесненным светом
Беликорусских родников.

Сосед к беседе подключился,
Сей трассой ехавший не раз:
«Ничто, ребята, не случится -
Сопровождает солнце нас!»

ПОЕЗДА

Спешат и в зной,
Спешат и в холода,
Пронзая степь и таинства таёжные,
Даруя нам знакомства подорожные,
Романтики дороги - поезда.
Под мерный стук
Мечтательных колёс
В тиши услышишь пение гитарное.
Летающие поклоны благодарные
Ты примешь от волнующих берёз.
Обрадуешься искренне, когда
Красивая соседка повстречается.
Как знать, а вдруг, ведь в жизни
так случается,
Останется любимой навсегда?
Из края в край,
Как время без конца,
Стальные стёжки тянутся и тянутся.
Бывает, что в пути соединяются
Не только полустанки - и сердца.
А значит - прочь тревога и беда,
Зовут вперёд заботы неотложные,
Даруют нам знакомства подорожные
Романтики дороги - поезда.

БЕРЁЗКИ

За поездом, а значит и за мною,
Легко оставив радужный уют,
Смеясь разноголосою листвою,
Берёзки по-девчоночьи бегут.
Зелёные косынки посрывали
С кудрявых обаятельных голов
И машут вслед, как в радужные дали,
Под шалости доверчивых ветров.
Из-под летящих платьев серебристых,
Насквозь прошитых солнечным дождём,
Колени невозможные игристо
Мне душу жгли томительным огнём.
А поезд мчался, разрезая дали,
Взбирался в гору, бился и дрожал.
Ах, если б вслед берёзки не бежали -
Я сам за ними точно б убежал!

ПРОВОЖАЮ МОЛОДОСТЬ СВОЮ

«Соловьи за пазухой живут»

Михаил Светлов

Рюкзаки, гитары за плечами.
Каждому по песне для начала.
Кто-то рядом весело сказал:
«Запрудила молодость вокзал!»
И жужжат транзисторы, как пчёлы,
Тая в бирюзовой вышине.
Ветер от смеющихся девчонок
Захмелел, как в вишнях по весне.
Наспех упакованы палатки -
И дорога в вечный неуют.
На прощанье с прирождённой хваткой
Соловьи за пазухой поют.
Слушаю. И сердце бьётся птицей.
Отгремел состав. А я стою.
Будто бы за дальние зарницы
Провожая молодость свою...

В ДОРОГЕ

Еду, еду, а куда - не знаю.
Выпито до капельки вино.
Даль великорусская ночная
Звёздами впечаталась в окно.
Не видать деревни с ивняками,
Ни холмов, ни речек не видать.
Сверлит поезд острыми огнями
Чёрную густеющую гать.
Полудрёма путниками водит -
Сон короче свиста воробья.
Проводник хранит порядок вроде,
Только не от ушлого ворья.
Нет скончанья ноченьки постылой.
А вино закончилось давно...
Неужели с родиною милой
Встретиться опять не суждено?..

БОГАТСТВО

Кто сказал вам, что я неудачник?
Братцы, сущая то ерунда!
Правда, я ни машины, ни дачи,
Ни казны не имел никогда.
Только горя не вижу я в этом.
Были б в доме любовь да совет,
И в душе полыхали рассветы
Незабвенных студенческих лет.
Разве мне и похвастаться нечем?
Есть любимая, дом под ветлой.
И растёт у меня человечек
Ясноглазый и озорной.
Дня начало встречаю делами,
Солнцу радуюсь в каплях росы.
И дороги, трубя журавлями,
Всё зовут и зовут по Руси.
Мне просторы славянские любви,
Дым отечества, реки, жнивье
Да хорошие добрые люди -
Вот какое богатство моё!

НАСЛЕДСТВО

Не закрываем двери на засов -
Друзьям всегда наполненная чаша.
Страна, где жили Пушкин и Кольцов,
Где жил Есенин - Родина и наша!
От каждой их классической строки
Свободой веет, верой благодарной.
Вместилось всё: от выплесков реки
До ветки с Пискаревки легендарной.

ПУШКИН

Был Пушкин русскою весной
С её веселою капелью.
Был Пушкин русскою зимой
С ее бунтующей метелью.
Был пиршеством и ворожбой,
Осенней грустью, всплеском лета.
Был доброй и худой судьбой,
Судьбой российского поэта.
И долгой ночью, кратким днем
Был Пушкин - русская природа.
Не зря ж в одном вместились в нем
Все времена и боли года!

ДОРОГА. 1830 г.

Вдали Нева, Москва и Волга.
Уже и Нижний не видать.
В пути осталось быть недолго -
Рукой до Болдина подать.
Казалось, в душу радость хлынет,
Ан нет, по-прежнему тоска.
В дождях сквозных равнина стынет,
Ползёт карета с большака.
И лошадёнки в глине вязнут -
Не ночевать ли суждено?
Полей пейзаж однообразный
Наскучил Пушкину давно.
Хотя бы встретился прохожий,
Хотя бы всадник проскакал...
И, проклиная бездорожье,
К окошку снова приникал.
Катилось к чёрту бы именьё,
Да вот с женитьбой нелады.
За невезеньем невезенье -
Недалеко и до беды.
Ах, знал заранее бы Пушкин -
Судьба разделит радость с ним,
Что в этой бедной деревушке
Он будет счастлив и любим,

Что не забудет о Плетнёве,
Свои восторги разделя,
Стихов и сказок наготовит,
Каких не ведала земля.
Ах, знал бы он, что будет просинь,
В избытке света и тепла,
Что эта болдинская осень
Веками Пушкина ждала.

ПОЛОНСКИЙ

«Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету...»

Я. П. Полонский

Его судьба жестоко била,
Родных до срока схоронил.
При жизни слава обходила,
Но никого в том не винил.
И даже на врагов обиды -
Был слишком добрым! - не таил.
Он в каждом человеке видел
Любви и благородства пыл.
Ошибки понимал не сразу,
А может, не хотел их понимать.
Всю жизнь мечтал не по заказу -
По вдохновению писать.
Как быть, когда ты без работы,
Когда преследуют долги,
Когда семейные заботы
Отодвигают прочь стихи?
Но и тогда не канул в Лету -
Творил он ночи напролёт!
Внимал тургеневским советам,
Души предчувствуя полёт.

Среди таких людей известных,
Как Достоевский, Тютчев, Фет,
Он был не только друг и сверстник -
По воле Божьей был поэт!
Потомкам путь его приметен,
Зовущий к счастью и добру.
Его костёр в тумане светит -
И люди тянутся к костру.

CABPACOB

Едва дома оттаивать начнут
От затяжной навязчивой метели,
Как в загородный лес его зовут
Ещё не зазвеневшие капли.
И кажется ему: бубнят ручьи,
Разбужены скворешнями деревни.
Не клочья снега рядом,

а грачи

Крылато восседают на деревьях...
Писал весну!
И даже в те года,
Когда ни денег, ни жилья, ни хлеба!
И тёплые проталины с холста
Бросали взгляд в ликующее небо.

БУНИН

И дождь, и листопад в Подстепье синем,
Как первые подснежники любил.
И на чужбине даль родной России
До смертного мгновенья не забыл.
В душе поэта отзывалось поле
Колосьями ржаными, васильком,
Вознёю пташек в знойном суходоле
Да хлопотным глазастым родником.
Не поклониться больше той равнине,
Где каждая травинка Русь поёт,
Луна колдует в брошенном овине -
Уснуть до ясной зорьки не даёт.
Вернулся бы и в вёдро, и в ненастье -
На свете нет Орловщины родней!
Да разве разъярившиеся власти
Простить могли бы «Окаянных дней»?
Простить могли бы истинных пророчеств,
Что большевизм провалится во тьму?..
Хотелось верить в тягостные ночи:
Прозреет добрый люд. И потому
Ворчал по-стариковски, собирался
На Родину, а Родина ждала.
И все-таки во Франции остался,
Обратный путь пурга перемела.

На кладбище чужом угомонился,
Не зная, что в Отчестве любим.
Не зная, что в Россию возвратился
Талантливым творением своим.

ДОРОГА В ЗАВОЛЖСКИЕ СТЕПИ. 1873 г.

«Из Ясной в Самару был выслан наш
большой дормез, так как наше имение
отстояло от Самары в ста двадцати
верстах, и это расстояние надо было
проехать на лошадях...»

Т. Л. Сухотина-Толстая

Большой дормез, запряженный шестериком
В карету с ко́злами, в пролётку и в плетушку,
Отправился в именье, что в краю глухом
Губернии Самарской, в бедной деревушке.
Заполнен экипаж толстовскою семьёй.
Глава семьи - писатель, граф Руси великой.
Слепительное солнце жарит над землёй,
Лишь пыль да зной в степи широкой полудикой.
Вдали ни дерева, ни речки, ни пруда.
Орлы, горбятясь, держат небосвод крылами.
Как в сказке, в небыли остались города
С Поляной Ясною, с берёзами, с полями.
В пути он жаждал скачки самой вихревой,
Чтоб водопадил день стремительно к обеду,
Чтоб осушить кумыс в кибитке кочевой
Благообразного киргиза Мухамеда.
Да не взбодрить усталого шестерика
Ни свежей лошади, ни Богу, ни факиру.

Оттаивает граф от греко-языка,
И медленно, и тяжело от «Войны и мира».
Оттаивает граф. А дел неprovорот.
Грядёт статья о голодающих в заволжье...
Землянки позади, Гавриловка вот-вот.
И в душу степь кричит бунтующею рожью.

ТОЛСТОЙ У МУХАМЕДА

Курганы в ковылях, как деды,
От них недалеко толстовский дом.
А рядышком скрипит под сквозняком,
Пропахшая кобыльим молоком,
Нехитрая кибитка Мухамеда,
Где он сидит, как турок, на подушке.
Древесный болт в мозолистой руке.
Кумыс мешает в кожаном мешке,
А коль по словарю, то в бурдюке.
Напротив молча трудятся старушки.
Плечо в плечо, усердно и бедово:
Из бурдюков - шипенье родника!
Работа, прямо скажем, нелегка.
Ответственность к тому же велика -
Кумыс готовят для семьи Толстого.
А граф-то знает крепости в напитке,
Чтоб в нём бродил ядрёный дух степей,
Как выпьешь - дым туманит из ноздрей.
Не раз пивал у степняков-друзей,
Не только в мухамедовой кибитке.
И вот легко взметнулся ковш с кумысом -
И в чаше содержимое ковша!
Толстой берёт - и залпом, не дыша,
Одну, вторую - и поёт душа,

И дым, как говорится, коромыслом.
Высокий гость творит благое слово,
А вежливый хозяин Мухамед
Поклоны за поклонами в ответ...
Клубится по кибитке дивный свет,
Замешанный на мудрости Толстого.

ОТШЕЛЬНИКИ

Услышал от кого-то Лев Толстой,
Что где-то во степи под Бузулуком
Живёт старик святой, презревший скуку,
Живёт в ладу с молитвой и разлукой
В пещере полудикой и пустой.
А житие отшельников-людей,
Каких бы наций старцы ни бывали,
Влекло его. Отговорить едва ли.
Не устроят ни суховей, ни дали -
Велел запрячь немедля лошадей.
Пылит верста за новою верстой,
Как жизнь непредсказуемо и строго.
А вот и двор. Закончилась дорога.
В подземной келье тесной и убогой
С отшельником беседует Толстой.
О чём они в гнетущей темноте,
Спалив свечу, как в собственной могиле,
Метущиеся старцы говорили?
А может, слёзно Господа молили,
Чтоб люд воззвал к высокой доброте?
На Божий свет неспешно поднялись,
Оставив тайну встречи в тайне кельи,
Как мир терзаний, тьмы и утешений.
Перекрестил отшельника отшельник,

И лошади на хутор подались.
Пылится степь. Полынный поворот.
Взрывные клёкоты орлов. И снова
Глубокие раздумия Толстого...
Начало брал от странника степного
Яснополянский будущий уход.

СКАЧКИ

I

Перед отъездом в Ясную Поляну
Толстой решил башкирцев позабавить:
В округе выбрать ровную поляну
И скачки провести, и праздник справить.
Пришлась по нраву графская затея -
Стеклись на хутор люд степной и кони.
Кибитки выросли среди кипрея,
Костры простёрли знойные ладони.
С баранины, с кумыса пар клубится,
Как бы туман над утренним Иргизом.
Звучат зурна и дудка, словно птицы,
Под горловое пение киргиза.
Играют в шашки, кружат хороводы.
И конский храп висит, как зов, над лугом.
Ждёт - не дождётся скачек тьма народа -
С кумысом чаша ходит круг за кругом...

II

И вот гнедые выстроились в ряд,
За двадцать лошадей, а может боле.
Копытом в землю бьют, глаза горят -
Готовы вихрем ринуться на волю.

Взмахнув платком:
По-шёл! - вскричал Толстой.
И вытянулись лошади в галопах.
Дымился пылью, рвался травостой,
Метались прокопытенные тропы.
Прилипших к спинам юных седоков
Хлестало гривой, пылью и ветрами.
А им еще предолгих пять кругов -
Финал за двадцатью пятью верстами.
К тому ж без сёдел смелые юнцы
Летят вперёд в азартных пересвистах.
Вослед толпа, табунщики-отцы:
«Го - ни!» - прокатывают голосисто.
Гудела степь над каждою верстой.
Орлы в испуге сгнули в долины.
Гонцы кружили в скачке вихревой -
Пришло на финиш меньше половины.
Толстой призёров щедро награждал:
Ружьё, часы, атласные халаты.
Такого празднества от века не видал
Ни кучер, ни табунщик, ни оратай.
Гулял народ веселый и простой,
Переплетая радость и волненье.
Да так гулял, что через край степной
Слышать из поколения в поколение!

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В степи буйнопопынной, полудикой,
Любя ветров раздольный перегуд,
Мордва, киргизы, русские, калмыки
С времён Ивана Грозного живут.
Разводят скот, овец золоторунных,
Летающих густогривых лошадей.
Под птичий перелив руладострунный
Встречают бишбармаками гостей.
Зурна и дудка водят хороводы
В обычаях восточных вековых.
Подхватывает музыку природа,
Открыв пространство пажитей степных.
По кручам долов ива да кустарник -
Пристанище зверушек и орлов.
Вдали ковыль, колючка и татарник,
Хлеба - у деревень и хуторов.
Сподручней рядом сеять зерновые -
Быкам не сладить с дальнею верстой.
Такою степь, с её людьми впервые
Увидел в прошлом веке Лев Толстой.
Увидел их и в радости, и в горе,
И в голоде нещадном увидал.
Помог, как мог, не только в разговоре -

С людьми делами боль перестрадал.
Помог, как мог. Вселил надежду в души,
Призвал крестьян о родине радеть.
Мол, ваша степь и в засухе, и в стуже
С годами будет цвести и богатеть...
Не год, не два, а век отчалил в Лету -
Давно быков сменили трактора.
Я рад, что зрил при взвихренных Советах,
Как в сёла превращались хутора.
По горизонт от ближнего угора
Кипела даль хлебами и травой.
Ах, как бы расцветающим простором
Порадовался искренне Толстой!..
Увы! Пришли во власть крутые парни,
Отыщутся подобные с трудом:
Одели степь в колючку и в татарник,
Как при былом мечтателе Толстом.
Который год невспаханное поле,
Как человек, дичая, слезы льёт.
Ударили, как в птиц, по нашей воле
Из автомата очередью - влёт!

ИСЦЕЛЕНИЕ

С. А. Есенину

В часы душевных потрясений,
Когда и белый свет не мил,
Меня поэт Сергей Есенин
Щемящей лирикой лечил.
Водил меня осенним лугом,
Водил сторонущей лесной.
Потерю матери и друга
Поэт оплакивал со мной.
Он поднимал меня на взгорье,
Откуда Русь была видна.
И притупляла боль и горе
Рязанских рек голубизна.
А журавли, крыла раскинув,
Летели, словно облака.
Как тени предков, на равнину
Из бездны падали века.
От Коловрата и Емели
До революции самой.
И хлеб горел, и пули пели,
Калики шли с пустой сумой.
Не пахло волей на просторе -
Отчизну застил черный дым.

О, Русь, твое большое горе
Сравнится ль с горюшком моим?
В часы душевных потрясений,
Когда печаль не разделить,
Как твой поэт Сергей Есенин,
Ты можешь душу исцелить.

ПОЭТ РАДКЕВИЧ

I

Он жил взахлёб.
И днём, и ночью
Себя в стихах сжигал дотла.
И проступали между строчек
Искринки света и тепла.
Его теплом, как отчим кровом,
Мы жили, веря и любя.
Добром и совестливым словом
Лечил он всех, но не себя...
За честь, за жизненную повесть
И за тебя, родной Урал,
Поэт Радкевич - наша совесть -
До капли душу расплескал.
Но до сих пор вокруг судачат,
Что, мол, себя не уберег.
Ах, люди, люди, жить иначе
Он, к сожалению, не мог.

II

Он умер. А снится живой.
Шагает ромашковым полем,
Точнее: парит над землёй!
В глазах ни грустинки,
ни боли.

Такая в глазах глубина,
Такая раздольная удаль,
Что родина ясно видна
От Камы до камня Полюда.
Как в жизни, спросил он во сне,
А может и чуточку строже:
«Ты что-ж не приходишь ко мне? -
Совсем на тебя не похоже».
Ну как в оправданье, скорбя,
Какими ответить словами?..
Поэт,
 мы зарыли тебя,
В жестокой оставили яме.
С июньских мучительных дней
Глаза виноватые прячем.
Приходим к могиле твоей -
Хмельные и трезвые - плачем.

ПЕВЕЦ ПРИРОДЫ

Памяти Голубкова М. Д.

В приземистой избушке под Осою
Когда-то жил писатель Голубков.
Вставал, как пахарь, с утренней росой,
Тайгой питался, пил из родников.
Говаривал и с кедром, и с травинкой,
С охотниками грелся у костра.
Ронял слова - и в каждом золотинок.
И в каждом - вдаль зовущие ветра.
От чувовского хвойного истока,
Где был его родительский порог,
Тайгу Урала, Дальнего Востока
Измерил он и вдоль, и поперёк.
Талантливые книги по крупице
Ему дарила новая верста.
Из-под пера взлетала звонкой птицей
В родной народ святая доброта.
Но вламывались дико ветровалы,
Сметая всё, терзая и круша.
О, как тогда, вскипая, бунтовала
Его незащищённая душа!
На полпути в декабрьской круговерти
Певец природы сгинул в никуда.

Но в повестях поистине бессмертных
Оттаивают боль и холода.
Творец и друг от нас не отделился -
Ему чужды забвенье и покой.
В сердцах людей навеки поселился
Своей природомудрою строкой!

РЯБЧАТНИК

Уходил из родного крова
В неоглядную степь, в тайгу.
Уходил далеко за словом,
Хоть сгибала судьба в дугу.
Путь ухабистый, путь негладкий
Острострелым дождём строчил.
На звериной тропе, в палатке
Душу раненую лечил.
Забывался, страдал, дивился
Тёмногривой, как ночь, тайгой.
До рассветной звезды светился
Нерождённой пока строкой.
Но друзей угощал рябками,
А рябчатник-то был, дай Бог!
Прошагать с ружьём кругами
Вёрст по двадцать и больше мог.
Дружбу крепко ценил и славил,
Как добро, красоту и цвет.
Много книжек нам в дар оставил.
Ну а сам повернул в рассвет.
Не отыщешь его на Каме
Ни в тайге, ни вдали, ни вокруг..
Кто ж теперь угостит рябками,
Незабвенный сердечный друг?..

ОСТУДА

Памяти Г. Краснослободцева

Дождь стучит по белу свету,
Зябко на дворе.
Скоро год, как друга нету -
Сгинул в декабре.
Замерла в сугробе дата
В тишине могил.
А когда-то, а когда-то
По земле ходил.
Резок был и безутешен,
Подлость презирал.
В меру свят и в меру грешен,
И любил Урал.
Детдома прошёл и тюрьмы -
Цел и невредим.
Ел собак, нужду и тюрю,
Напивался в дым.
Но старейшин мудрых слушал,
Понимал и чтил.
И растерзанную душу
Пушкиным лечил.
Доброту стихами славил.
Зло - с дороги прочь!

Жаль, что сына не оставил,
Не оставил дочь.
Не простился даже. Впрочем,
Мог ли ведать он,
Что возьмёт его средь ночи
Смертушка в полон?
Нет путей-дорог оттуда
Ни в пургу, ни в зной -
Потому стучит остудой
Дождик обложной.

МАЭСТРО

Н. П. Горбунову

I

Ах, добрый художник народный,
Ну как выживаешь теперь,
Когда непрестижный, немодный,
И много свалилось потерь?
Я вижу. Не надо ответа.
Но, главное, друг, не хандри.
Пейзажи твои и портреты
Готов я смотреть до зари.
Картины, как жизнь, необычны,
Как Русь необычна сама.
Светлы, но до боли трагичны,
Порою - сплошная тюрьма.
Ты стены тюремные рушишь,
Почти не касаясь дверей.
И лечишь заблудшие души
Живительной краской своей.

II

Романтик жюльверновской дали,
Романтик майнридовских строк,
Твою мастерскую едва ли
Пройдешь, не ступив на порог.

А ступишь - провалишься в омут
Дремучих и трав, и лесов,
В кипенье бурлящих черёмух,
В бунтующий мир парусов.
И холодно станет, и знойно
Среди поэтичных картин,
Когда с полотна беспокойно
Посмотрит Иван Басаргин:
Писатель сибирской закваски,
Стихийной судьбы человек.
Прекрасно, что в книге и краске
Его продолжается век.
В искусстве ни тени обмана -
На злато талант не менял.
Жестокою былль океана
Ты собственной кожей познал.
Не сгинул на свадьбе и тризне,
Не застила слава глаза.
К тебе за реальностью жизни
Идут и враги, и друзья.
Утешишь - и чёрт нам не страшен.
Наверное, друг, неспроста
От пензенских речек и пашен
Струится твоя доброта.
Она ни штормам не подвластна,

Ни жизненной качке крутой,
Ни власти: ни белой, ни красной,
Орущей над каждой верстой.
Где вольно над лесом и долом
Сквозят синевой небеса.
И живы твои Оцеолы,
И живы твои паруса.

III

Осиротела мастерская.
Ушёл художник в мир иной.
Друзей компания лихая
Вдову обходит стороной.
А было время - пировали!
Клубился дым до потолка.
И чуть не все тогда бывали
Бессмертными наверняка.
Но миновали круговерти.
И вот мы пьём за упокой.
А был-то он один бессмертным
Среди компании лихой.
Не зря и в злую былъ и сказки,
Как дань нетленной красоте,
Его живительные краски
Не замерзают на холсте.

IV

Открыта выставка маэстро,
Да вот маэстро больше нет.
Но с полотна под всплески ветра
Лучится выстраданный свет.
Дыханьем души согревая,
В полон пленительный берёт.
И жизнь от края и до края
Творит святой круговорот.
Какая сила колдовская
Всё тянет очередь к нему?
У стен цветастых умолкает,
Не понимая, почему.
С полотен радости и страсти
Текут пленяя и скорбя.
Учился, мучась, мудрый мастер
Искать до старости себя.
Лежал в грязи,
Парил, как птица.
Но в мире зла и доброты
Сумел до капли раствориться,
Чтоб оживить свои холсты!

V

Художника нет. А картины,
Как прежде, взрывают сердца.

Таёжные реки, равнины
Тропу продолжают творца.
Стенанье, веселье и робость,
Греховность и праведный суд
То кинут поклонника в пропасть,
То к Господу ввысь вознесут.
Сквозь ужас изгнания и смерти
Заздравные гимны поют.
В земной неземной круговерти
Пристанище слабым дают.
А значит - в мазке светотворном
И жизнь, и само колдовство!
Художника нет, но бесспорно
Мы чувствуем рядом его.
А значит - не просто, но верно
И вечность седую, и миг
Живёт он, мятущийся смертный,
В бессмертных картинах своих!

КОМПОЗИТОР-ПЕСЕННИК

А. Трухину

За рекою Камою, в посёлке,
Где тропинка в травах кольца вьёт,
И висит над полем перепёлка,
Композитор-песенник живёт.
Поутру пропалывает грядки,
Ублажая буйный огород.
А под вечер на родной трёхрядке
Русь берёт игрою в оборот.
Трель, как птицу, выпустит ретиво -
Век живи, не надо помирать.
Таволгой пропахшие мотивы
Переносит в нотную тетрадь.
Но звучат они, не умолкая,
В шуме клёна, в пенистой волне...
Музыка поистине земная
Долго продолжается во мне.
Не всегда услышишь интересней.
Помолчу. А после, не спеша:
«Как же ты придумываешь песни?
Поделись со мною по душам».
Улыбнётся вроде бы удало,
Указав рукой на небеса:
«Звуки мне природа нашептала -
Я всего лишь только записал».

ТРУХИН

По Запольской, по Кедровой,
Красотой душа полна,
Я шагаю с добрым словом
Прямо к дому Трухина.
А Трухин - мужик, что надо -
На виду округи всей
Доставляет людям радость
Светлой музыкой своей,
От баянных переборов
Веет шелестом берёз,
Веет стёжкой и простором
В светоносных каплях рос.
А порой - щемящей грустью,
Что до сердца достаёт.
И, конечно, славной Русью,
Что от века в нём живёт.
Развернёт баян удало,
Взбудоражит тишину,
И тебя уже не стало-
Ты в пленительном плену
У раздольной русской песни,
Озорной и горевой.
Ах, Трухин, мечты предвестник,
Мой соавтор дорогой.

Ты расскажешь мне о многом
За каких-то два часа.
Как вела судьба-тревога,
Как в рубашке родился.
Я иду тебя послушать,
Композитор мой Трухин,
Чтоб свою настроить душу
На певучие стихи.

УШЁЛ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДОЖДИ

Памяти С. А. Федосеева

Ненастье сплошь. С утра до вечера
Висят октябрьские дожди.
Как видно, ждать просвета нечего.
И душу зря не береги.
Промокло царство Берендеево -
Не нынче - завтра ляжет снег...
Не позвонит Сергей Андреевич,
Неугомонный человек.
Не огласит душой бунтарною
Строфу, что нынче родилась.
Судьбина-жизнь струной гитарною
В слепой ночи оборвалась.
А жизнь была крутой и сложною -
У музыканта нет иной.
Шагал равниной бездорожною,
Тонул в пучине вихревой.
Не снилось время беззаботное,
Гитарой денег не скопить.
Не только хлеб - тетради нотные
Порою не на что купить.
Но по крупице песни складывал
Из птичьей трели, из ручья.

Людей певучей музыкой радовал,
Улыбкой светлою встречал...
Оборвалась судьба горячая,
Не позвонит, увы. Не жди.
В душе с романсом неозвученным
Ушёл в октябрьские дожди.
Промокло царство Берендеево.
Не нынче - завтра ляжет снег...
Прощай, мой друг, Сергей Андреевич,
Неугомонный человек.

* * *

Композиторов, бардов, поэтов
По великой России не счесть.
В песнях праведных радуги света,
В песнях Родина, слава и честь.
В них услышишь, как вдовушка плачет,
Не дождавшись кормильца с войны.
И камыш, что журавушку прячет
Под роптанье озёрной волны.
И, конечно, услышишь берёзы,
Что шумят над родною избой,
Где встречал ты и бури, и грозы
Вперемешку с враждой и с нуждой.
Настоящая песня едва ли
Не взволнует тебя, не взбодрит.
Много песен таких на Урале,
А талантами край знаменит.
Композиторы, барды, поэты,
Путь по жизни которых не прост,
Поднялись и не канули в Лету
От рябиновой Камы до звёзд.
Что ни нотка, то всполохи сини,
Что ни слово - любовь и весна...
Не представить великой России
Без Радкевича и Трухина!

ДВА ХУДОЖНИКА

Два художника юных и друга
Жили тихо в родном городке,
Где берёзами пела округа
На древесном своём языке.
Парни верили в русские сказки,
Перемешанные с добротой.
Доставали и кисти, и краски,
Отмеряли версту за верстой.
Лес и даль, как душа, нараспашку!
А в глазах - удивленье и зной.
Муравья, глухаря и букашку
Приносили в альбоме домой.
И, конечно, ромашек охапку,
И татарник, что рос у креста.
Дед Михеич с Михеевой бабкой,
Удивляясь, глядели с листа.
У художников лица лучились,
Как-никак похвалил - не один!
Но пока что маэстро Качинский
Не видал у студийцев картин.
Посмотрел хитровато и сразу
Перепало друзьям поделом:
«Надо кистью писать, а не мазать,
Как, простите меня, помелом».

Мол, ручей, чтоб казался текучим,
Это значит, чтоб праведно в нём
Отражались берёзы и тучи
Вместе с белкою и воробьём.
Не обиделись юные друзья,
Поклялись изучать мастеров.
Рисовали шахтёров в округе,
Шум дождей и разгула ветров.
Ах, как жили светло! Но однажды
На заре взорвалась тишина.
Встал за Родину воином каждый.
И друзей разметала война.
Письма с фронта от Вани Чистова
Анатолий запомнил, как стих:
«Друг, спасибо, что выслал Крамского.
До свиданья... Рисуй за двоих».
Описать бы о жизни солдатской,
Да не хватит ни силы, ни слов.
Спит под Шуей на кладбище братском
Бронебойщик-художник Чистов.
Над Тумбасовым сжалилась битва -
Возвратила с Победой домой.
Друга жизнь повторял, как молитву,
Акварелью и светлой строкой.
Как бы ни было тяжело и грустно,
Не жалея себя, рисовал.

Стал заслуженным в мире искусства,
Презирая покой и привал.
Вновь с мольбертом спешит от недуга
В самый чёрный и радужный миг.
Помнит свято покойного друга,
Он живёт и творит за двоих.

В МУЗЕЕ

Тумбасову А. Н.,
заслуженному художнику России

В музее выставка открылась.
Не показных картин размах,
А перед нами Русь явилась
В хлебах, в лесах, в колоколах.
Ни обречённости, ни страха -
Пейзажи в старь и новь зовут,
Где человек и зверь, и птаха
По-настоящему живут.
Поют, стрекочут, веселятся
И воду пьют из родников.
И солнце в речке искупаться
Спешит, касаясь облаков.
Совсем не пар, не дым над печкой,
А на холсте в немой тиши
Такой туман висит над речкой,
Что запотели камыши.
Леса подкрасили одежды.
С грустинкой «Тихая пора»,
Но в тихой грусти свет надежды
И оптимизма, и добра.
«Верховья Колвы», «Ходят грозы».
От ветра спуталась трава.

Стоит славянская берёза
Лучом пресветлым божества.
А значит, нету круговерти
На лжи замешанной и зле.
И торжествует жизнь над смертью,
Как вечно было на земле!
Плывут плоты по летней Каме,
Закат румянами горит.
Не вихрем красок мастер с нами,
А сердцем жарким говорит!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Южноуралье. Лесостепь. Кочкарь -
Село на берегу лихой Кабанки,
Где юный друг познал и новь, и старь,
Как сказ Бажова, Мамина, Бианки.
У каменной кладбищенской стены
Творил, волнуясь, первые этюды.
А тополя густые с вышины
Признанья шелестели, словно люди,
Которые давным-давно вросли
В холмы, в луга, в деревья вековые.
Над ними коршун зависал вдали -
Не верилось в годы горевые.
Но грянули они. И души обожгли -
Художник стал защитником Отчизны.
Военные дороги понесли
Сквозь пораженья, горести и тризны.
Великой битвой мир заволокло,
Как было и в столетиях старинных.
Но меж боями грезилось село,
Резвушка-речка в стайках пескариных.
Во сне бродил с этюдником в полях,
Дивясь ромашкам в далях светло-синих.
Картины рисовал в госпиталях -
На каждой - дом, а значит, и Россия.

Вернулся. А друзья остались там,
Кто под Смоленском, кто под Ленинградом...
Идёт художник по родным местам -
И душу греет птичья серенада.
Раздвинув тихо царство камыша,
Припал устами к песенной Кабанки.
И речка зашептала, не спеша,
Слова Бажова, Мамина, Бианки.

И ЖИЗНИ БОЛЬ, И ТОРЖЕСТВО

Геродоту Колодину

Художник, мой преславный друг,
Ну, как рисуется, живётся?
Очеловечить лес и луг,
Увы, не каждому даётся.
Поверь, я счастлив без ума! -
Поёт в тебе душа поэта.
В жару летит на холст зима,
А в зиму - солнечное лето!
Вино сменяется трудом
Кипучим, бурным, вдохновенным,
В котором Русь - наш общий дом
От Ярославы незабвенной.
И жизни боль, и торжество
Слились под кистью воедино.
Не проклиная никого,
Несёшь добро тропой недлинной.
Ивняк, болотины вокруг.
Цветы, ручей о камни трётся.
Очеловечить лес и луг,
Увы, не каждому даётся.

ЕВГЕНИЮ ШЕЛОННИКОВУ

Евгений, друг, завидую тебе,
Что вырвался из города на волю,
Что поклонялся птичьей ворожбе
В березнике лепечущем и в поле.
Переносил природу на холсты
В штормяще-знойном буйстве акварели.
Хмелел, как Рафаэль, от красоты,
Как Репин, - от пастушеской свирели.
Грибы солил, сушил, мариновал,
Опятами завесил мастерскую.
Я у тебя давненько не бывал,
А без тебя - не веришь ли? - тоскую.
Заботы к чёрту! Взвихрюсь, всколыхнусь,
Нагряну в мастерскую непременно.
Жива ль, расскажешь, дедовская Русь,
И перейдём к искусству постепенно.
Но прежде - стол грибами взвороши,
Солёными бы лучше к разговору.
И потечёт беседа для души,
А водочку я, как-нибудь, спроворю.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Михаилу Гасенегеру

I

Вроде нас не обидел Господь
Ни способностью, ни признанием.
Отчего же душа на испод,
Отчего же опять испытанье?
В мире день, а срываемся в ночь.
Рядом стёжка, а падаем в омут.
Даль не можем в пути превозмочь -
Сплошь татарники вместо черёмух.
Не дороги, а кочки да рвы,
Хоть до жизни особая жажда.
Мы не молоды, друг мой, увы,
и не выдержит сердце однажды.
Да не жалуюсь я, не боюсь,
Что над нами подшутит судьбина.
В наших детях останется Русь,
Как берёзовый лес, как равнина.
Прав, мой друг, на последней из встреч
Ты сказал, что Господь всемогущий
Нас пытается предостеречь
От беды наисамой гнетущей!

П

Не молил у судьбы, не молю
Жизни слаще, вольготней и проще.
Я, как прежде, с друзьями делю
Хлеб и кров, и осенние рощи.
Что мне дорого, тем и делюсь.
Худо ль, бедно ль - живу добротою!
Ею издавна славилась Русь
В годы взлета и в годы застоя.
Только плата иная была.
Доброта бедовала в неволе.
На свободе творители зла -
И душа задышалась от боли...
Что б ни грянуло,

нам у судьбы

Жизни слаще молить не пристало.
Сор мы вымели прочь из избы,
Разве это для радости мало?
Лишь бы светлой равнина была,
Не чернела от горького рока.
У родных и друзей зеркала
Не завешивались раньше срока.

* * *

Алексею Решетову

...И чем талантливей поэт,
Тем обострённей жажда воли.
А сердце - в этом кривды нет! -
Не защищенное от боли.
Но как его убережешь,
Когда в своей короткой жизни
Несчётно раз переживёшь
Чужие празднества и тризны?!

ВЫМЕРЗАЮТ ТВОИ ДЕКАБРИ

Брату Владимиру Сергеевичу

Тонут годы былым привиденьем
В пляске вьюг от зари до зари.
С днём рожденья, мой брат,
с днём рожденья -
Вымерзают твои декабри.
Не успеешь, гонимый ветрами,
В божий вид привести огород,
Постоять на погосте у мамы,
Как зима шебуршит у ворот.
Разбуянится злостная вьюга,
Рухнет в тартарары тишина.
Растворится в стихии округа,
Перепутаются времена.
Ни родного порога, ни клёна,
И тропинка в обрыв сорвалась,
На которой когда-то Валёна
Вдохновенно в любви клялась.
Вдалеке и армейская дружба,
Как пожатие крепкое рук,
Где навеки остался на службе
Колька Сумин,
ровесник и друг.

В жилах кровь от страдания стыла -
Горло жёг огневой суховой.
Время очень нелёгкое было,
Но сегодня, пожалуй, трудней.
Бродят странники в жутком раздумье
Посредине лесов и степей.
Задышается Русь от безумья
Новоявленных сытых вождей.
Отзываются стоном и болью
Забастовки, разбой и резня...
Вовсе я не забыл про застолье,
Бога ради, простите меня.
Тонут годы былым привиденьем
В пляске вьюг от зари до зари.
С днём рожденья, мой брат!
С днём рожденья!..
Вымерзают твои декабри.

* * *

Вольнолюбивую ветлу
В асфальт холодный заковали.
А ей стоять бы на ветру,
Лохматить солнечные дали.
А ей бы гнёздышки качать,
И выпускать птенцов на волю!..
Но без неё ветрам кричать,
Будить задумчивое поле.
Увы! Но город приковал,
Вцепился в древо мёртвой хваткой -
Не оторвёт девятый вал,
Ни залихватская трёхрядка...

ОЗЕРЦО

Озерцо перетянуто щучьей травой.
Словно шапкой, прикрыто густой тишиной.
Россыпь звёзд посередке. На страже луна.
Опрокинута в вечность небес глубина.
Держит явь незаметно в себе старину
Стаей уток, впечатанных крепко в луну.
До зари опускайся в бездонную даль,
Но загадки веков разгадаешь едва ль.

НА ОТЧЕМ БЕРЕГУ

Сижу на отчем берегу
В дремуче-лиственной тиши.
Узнать о прошлом не могу -
Молчат река и камыши.
Молчит, прикрывшись ивняком,
Толпа кувшинок и стрекоз.
Царит безмолвие кругом,
А я родился здесь и рос.
Познал и радость, и нужду,
Как стёжку к реченьке родной,
Где у девчонок на виду
«Тарзанил» лихо над водой...
Но сколько стёжек по Руси
Перетоптал с тех пор - не счесть.
Кого ж о детстве расспросить?
С кем накалякаться? - Бог весть.
Я подожду в родной глуши,
Чтоб встретить ветер у реки,
Когда волна и камыши
Свои развяжут языки.

* * *

Задохнулась речка
В камыше да в ряске.
И ушла неспешно,
Словно детство, в сказки.
Кто ж теперь напомним
Эти чудо-сказки,
Если нету няни,
Если нет Савраски?
А своё, похоже,
Речка отыграла,
Как певица в старость,
Голос потеряла.

* * *

Улетучилась жара.
Птицы песни перепели.
Распоясавшись, ветра
Перелесок завертели.
Заметались листья в страхе,
Расшумелись камыши:
Лето красное на плахе
Вырубают из души!

* * *

Отквакали лягушки на болоте,
Воинственные сникли комары.
И в чёрных пашнях
 пленники-омёты,
Ссутулившись, завязли до поры.
Немая даль дымит осенним
 светом...

И птицы,
 пролетая над жнивьём,
За тридевять земель уносят лето
Полынное
 тридцатое моё.

КУВШИНКА

Одна кувшинка из-под ряски,
Как сиротинушка, торчит.
Чуть-чуть припухшим ртом не сказки,
А быть горячую кричит.
Над нею бабочки и осы.
Но вся беда, конечно, в том,
Что нет подруг желтоволосых,
Без них постыл зелёный дом.
Печаль кувшинке не излечит
Ни плавунец, ни стрекоза.
И прячет в ряску, как в запечье,
Свои потухшие глаза.
А ей хотелось и всего-то
Не птичьих щебетов вокруг,
А цвести и жить до позолоты,
И умереть среди подруг!

ВЕТРА

Ветра не в шутку разыгрались,
Их не в чем вроде упрекать.
Но стёжки в травах затерялись -
И днём с огнём не отыскать.
Цветастых бабочек игривых
Смахнули разом, как метлой.
Ручей, когда-то говорливый,
Лишили голоса ветлой.
Лихих стрижей загнали в кручи,
Досталось цапле в грудь волной.
Перевернули в спешке тучи -
И сходу в омут голубой.
К тому ж кувшинку отхлестали -
От боли долго не уснёт.
Ветра теперь-то кто едва ли
За беспредел не упрекнёт.

* * *

Утопает в лесу гора,
А низина совсем пуста.
И гоняют по ней ветра,
Спотыкаясь о край пруда.
Поднимусь от стихии в глушь,
В глушь древесную перельюсь,
Чтоб с одной из рябинных душ
Разделить горемыку-грусть.
Ну а ежели на беду
Лес меня не поймёт, тогда
С ветром в полюшко побреду,
Спотыкаясь о край пруда.

* * *

Свесились растрёпанные тучи
Над изрытой волнами рекой.
Валом дождь обрушился на кручи,
Подтвердив в природе непокой.
По спине клокастой и горбатой
Речку, не жалея, отхлестал,
Заодно и березняк чубатый,
И к земле прибитый краснотал.
Вмиг коровы спрятались под ивы,
Пастухи бурёнушкам под стать.
Только рыбаки не торопливы -
Не успели удочки смотать.

* * *

Затишье. Словно ждёт чего природа.
Капризные свисают облака.
В цветном лесу, как в баховских аккордах,
Утонешь в золоте наверняка,
Коль не спасёт стремительная стёжка,
Что с косогора кубарем летит
На поле, где печёная картошка
Ядрёным духом
душу молодит.

ЯНЫЧИ. ЛЕС

Посёлок Янычи. Леса,
Заполонённые грибами.
Родник бунтует под холмами,
Глуша сорочьи голоса.
Воды игристой изопьёшь,
Тепло промолвишь: «Слава Богу».
Оставив торную дорогу,
В берёзы древние свернёшь.
На плечи свалится листва
Тяжёлой взвихренною тучей.
И корни свесят с жёлтой кручи
В предсмертных муках дерева.
Придавят думы, словно дни,
Когда скорбил о смерти друга.
Душе не вырваться из круга -
Блестят, как памятники, пни,
Свои сократовские лбы,
Морщина, ведают о вечном...
Уходишь вдаль дорогой млечной,
Забыв берёзы и грибы.

* * *

«В лесу грибов неупророт!» -
Оповестил сосед по даче.
Беру корзину - и вперёд,
Заране веруя в удачи.
Брожу и час, брожу и два -
Под ноги лезут мухоморы,
Поганки, мёртвая листва,
Ручей кидается с угора.
Ольха сменяется сосной,
Гора - черёмуховым логом.
И наплывает тишиной,
Пока неясная, тревога.
Не слышу дятлов и сорок,
И перестрелки знойных сучьев,
Но, словно тайна между строк -
Мне дышит в ухо лес дремучьим.
На пень берёзовый сажусь,
Передохну чуть-чуть - и ходу!
А на соседа не сержусь,
Как на осеннюю погоду,
Где синь и хмарь, и дождь с небес.
И всё же здесь я, как во храме:
Меня сосед отправил в лес,
Видать, за новыми стихами.

ПО ГРИБЫ

Мимо двери приоткрытой,
Мимо дачной городьбы
Валя, Света, я и Рита
В лес шагаем по грибы.
Через поле напрямую,
Через бревенчатый мосток.
Рухнув стёжка в глушь лесную,
Потянулась на восток.
Лишь вскарабкались на гору,
Еле дух перевели,
А Светлана сверлит взором,
До берёз, мол, не дошли.
И сама лисою чешет,
Росы брызжут с летунков.
И, пожалуй, в крае здешнем
Нет азартней грибников.
Знает, где грибы в округе,
За какой угор идти.
Не заметил, как подруги
Оказались впереди.
Лихо бёдрами качают
По тропинке вжик да вжик.
Я гляжу - души не чаю,
Как-никак, а всё ж мужик!
Мне за вредность бы стопарик,

А не то - не до опят.
За красавицами шпарю -
Взмок от маковки до пят.
От греха свернул в березник.
Отдохнул. Умерил пыл.
И опят рюкзак нарезал,
И синявок раздобыл.
Размечтался в тёмном лесе,
Сочинил нехитрый стих.
А потом, рюкзак повесив,
Скликал барышень своих.
Топа, лужи огибаю,
И крапивушку в обход.
А навстречу выплывает
Долгожданный хоровод.
Отпечатано на лицах,
Что опят невпроворот!
Даже Валя, не грибница -
Довольнёхонька идёт.
Еле тащим дар Господний,
Но от радости горим!
За прекрасное сегодня
Свету все благодарим.
Ты прислушивайся, Света,
Чуть не здравицы поём.
Располны корзины лета -
Значит, зиму проживём!

* * *

Лес красив на погляд и весел,
На ветру балагур вдвойне.
Но замри, затаись, а песен
Не услышишь и в тишине.
А внимательней глянь - заметишь
Робкий всплеск седины в листве,
Неживых паутинок сети
В отцветающей синеве.
Скоро будет светло и пусто.
Листья лягут под снег у пня...
Я грустить не хочу, а грустно.
Лучше б лес обманул меня!

ВОКРУГ ДОЖДИ ЗАВИСЛИ

Вокруг дожди зависли,
А тучи прут стеной.
Промокли да прокисли
Поля земли родной.
Деревья проржавели,
Прикрыты пни листвою.
Сорока еле-еле
Скрипит над головой.
От пены речка вздулась,
Бормочет под кустом.
На случай завернулась
Кувшинковым листом.
Тропинки в лужах тонут -
В ботинках не пройти.
На полдеревни стонут
Угрюмые плетни.
На дождь сержусь немножко,
А вся причина в том:
Не выкопать картошку
Под таким дождём.

СЕНТЯБРЬ

Небо хмурит сросшиеся брови.
С каждым часом небосвод темней.
Ветер гонит к югу журавлей.
Ничего сентябрь не подготовит,
Кроме продолжительных дождей.
А дожди - так это плен домашний
Под тележный скрип телехитов
И других бритоголовых лбов.
А вдали размокнут лес и пашни,
И, конечно, тут не до грибов.
Но и всё ж, хоть я уже немолод,
Не творю из этого беду.
Побывавший в хитовом аду,
Всё равно и в дождь сквозной, и в холод
Повстречаться с осенью пойду!

* * *

Опять среди высоких сосен
Чуть-чуть проглядывает синь.
Ну разве здесь согласишься в осень,
Что ходит тихо по Руси?
И, как из древности глубокой,
Доносит шорох вечный свой.
Сама пропахшая до срока
Не то дождём, не то росой.
И ты по ней
Плывёшь, как в лодке.
И ельник в зелени горит,
Не замечая, что погода
Давно в рябинах сентябрит.

ПОХОЛОДАНИЕ

Под утро дождик разбудил
Кусты седого краснотала.
И встретил я, и проводил
Дождливых осеней немало.
Давно бы свыкнуться пора
С дорогой вязкой, с рыжей чашей,
Где дышат мокрые ветра
Похолоданием предстоящим.
Пора. Но сердцу всё больней,
Когда в пути уже недлинном
Услышу посреди полей
Прощальный выкрик журавлиный.

* * *

Над селом кружили журавли,
Зависая плачущею стаей.
Вдоволь накричались и вдали
Зарябили, медленно растаяв.
Посреди запаханных полей
Снова тучи небо взбороздили.
Дождь закапал. Нету журавлей,
А тревогу в сердце пробудили.
Остаётся думать и гадать:
Возвратятся ль в нашенские дали?
Что ж не торопились улетать,
Может быть кого-то поджидали?
Может быть совсем наоборот:
Жаль бросать обласканную сушу.
Отправляясь в дальний перелет,
Не мою ль оплакивали душу?!

* * *

Обычно в мире всё и просто:
Сменяет радости печаль,
Тропа с родного перекрёстка
Бежит в неведомую даль.
В сентябрь колючий птичья стая
Полёт заоблачный вершит...
«Из тени в свет перелетая»,
Душа в бессмертие спешит.

* * *

Дождь. Уж так повелось,
Этим издавна славится осень.
Почернели деревья, как вдовы, от слёз,
И в грязи утопают колёса.
Застит дали туман.
По селу - за телегой телега.
Смотрят, сгорбившись, в темные лужи дома
В ожидании первого снега.

* * *

Перед уходом осень красит листья,
Сметая в речку с лысых берегов.
Рябин холодных огненные кисти
Показывает всплеском сквозняков.
Просторы на полсвета развернули
Картин хрестоматийные штрихи.
Цветаева, Есенин и Жигулин
Читают миру светлые стихи.
Но вдруг с горы лавиной снежной туча -
Смешалось небо с грешною Землёй.
И нет следа от осени горячей,
Талантливой художнице бывшей.
Загрузла даль в мятежной круговерти.
Об осени не стал бы горевать,
Но если б за мгновение до смерти
Смогла б она пейзаж дорисовать!

* * *

И снова степь в лоскутиках тумана.
Прикрылись доли мокрою листвою.
Ворочается небо над курганом
Тяжеловесной тучей снеговой.
Обрушится под вечер ненароком -
Придавят землю тучные снега.
Объявит мигом шустрая сорока,
Что осень приударила в бега.
Сорочья сплетня. А на самом деле
Не торопилась осень никуда,
Да повязали жгучие метели
И высквозили душу холода.

* * *

Календарь зимы не объявил,
Но в природе чудо сотворилось:
Опрокинув тучи, ветер взвыл -
Поле в снежной замети зарылось.
Ивняки под тяжестью снегов
Гуслярами древними согнулись.
Испугавшись белых берегов,
Волнами озёра завернулись.
Птицею кружа по сентябрю,
Вьюга миру голову морочит.
«Вот и верь теперь календарю!» -
Голосит сорока, что есть мочи.

* * *

Из-за дали полудревней,
А точней издалека
Навалились на деревню
Снеговые облака.
Потонули в свете белом
Вороха путей и троп.
И под крышу лезут смело
За сугробами сугроб.
«Беларусь» заглох, ей-Богу,
Не пробьётся самосвал.
Даже кот вблизи порога
Да и то забуксовал!

ХОЛОДА

Вот и всё. Начались холода.
Ветер вымел последние листья.
Тучи низко над речкой зависли,
В камышах загустела вода.
Тянет на берег лодку рыбак.
Приготовилась к снегу природа.
Только мы, как не знавшие брода,
Суе́тимся. И всё нам не так.
Вдруг шарахнут морозы с утра,
Застрекочет, откашлявшись, печка,
Встанет дым, как берёза над речкой...
А у нас - ни кола, ни двора.

* * *

Берёзы в сугробах завязли,
Завязли в сугробах пруды.
Заката подсветы погасли -
Недолго до первой звезды.
А там закрепчают морозы,
Припудрив антенны ветвей;
Пуховые шали берёзы
Навесят до самых бровей;
Луна из-за туч без опаски
Всплывёт над притихшим селом
И станет нашептывать сказки
Ребятней семье перед сном.

НОВОГОДЬЕ

Началось новогодье с морозов
В крепкой связке с разбойной пургой,
Словно льдины, от стужи берёзы
И трещат, и скрипят над рекой.
Под метельною кручей в испуге
Со зверьём шебуршат воробы.
До ближайшей избы по округе
Ни следа, ни былой колени.
Лишь сугроб на сугроб громоздятся -
Даль качают верблюжьи горбы.
Как же страннику было добраться
В давний век до родной городьбы?
Сколько их, сиротин горемычных,
Потонуло в снегах на века?!
Вьюга ведает голосом зычным
О замёрзшей судьбе ямщика.
С каждым мигом пронзительней, звонче,
Словно жизнь, обрывается стих-
«Однозвучно гремит колокольчик»
В неизбывную память о них.

* * *

Пургой завешано полсвета -
Заброшен я в дремучий век,
Где нет ни осени, ни лета -
На тыщи вёрст клубится снег.
Ни сёл, ни вех. Куда податься,
Когда сугробы тычут в грудь?
Всего на миг оврагу сдаться -
И оборвётся краткий путь.
А я, пурги не замечая,
Бреду, но знаю не впервой:
Коль ямщика не повстречаю,
То сгину в бездне снеговой.

СВЕТ ЗИМЫ

Клубилось небо радужною синью,
В кустарнике потрескивал мороз.
И было удивительно красиво
От света снега, солнца и берёз!
Играла лихо блёстками опушка,
Помеченная свежою лыжнёй.
Вдали сугробом дыбилась избушка,
Чаруя необычной белизной.
Творилось пред очами обновление
Патриархальной некогда глуши.
И таинство, и гордость, и волнение
Выплёскивало песней из души.
Иду тропой, не чувствуя мороза,
А рядом дышат рощи и лога.
Снегами продолжаются берёзы,
А может быть, берёзами - снега?!

БЕЛАЯ ПЕСНЯ

Степь родная. Вьюга - тоже,
Коль поёт в степи родной.
Душу кружит и тревожит
Белой песней снеговой.
Об ушедших людях песня,
О любви далёких зим.
И плывут, качаясь, вести
Над простором дорогим.
Сразу - к дьяволу усталость.
Радость - не пересказать!..
Мне всего-то лишь осталось
Эту песню записать.

ЗИМОЙ НА РОДИНЕ

Не приезжал зимою никогда
В родные сердцу милые пенаты,
Где ива у стеклянного пруда
Покоит замороженные даты.
Где вязнет детство в сказочном снегу,
Который даже солнце не растопит...
И вот стою на зыбком берегу,
А тропка в даль ушедшую торопит.
Отдавшись тропке, закружил, как стриж,
Над светлым нескончаемым угодьем -
И закипела ребятнёю тишь,
Как речка буреломным половодьем.
Друзей далёких слышу голоса.
И вижу близко Ваську и Марину.
Но тучи разорвали небеса,
Вниз головой упали на равнину.
Вломились в душу боль и холода.
Всё потонуло, рухнуло куда-то...
И только ива также у пруда
Покоит замороженные даты.

* * *

Ох, и далёконько видать -
На то, она, и степь зимой.
Хотя совсем не угадать,
Где повстречались мы с тобой.
По грудь снега. И ни следа.
Переморожена река.
В долу ютятся холода,
Метель свисает с ивняка.
Приткнувшись к берегу, камыш
Скрипит, кряхтя, на сквозняке.
Былое время, словно тишь,
Оглохло в дальнем далеке.
Не оживит его река,
Которой в мае нет конца...
Любое чудо старика
Не превратит, увы, в юнца.

* * *

Зима. Равнина. Дремлют доли. Родина.
Сугробы громоздятся на стогу.
Общипанною курицей смородина
Торчит, разъерепенившись, в снегу.
Лисица, путая тропинки свежие,
К посёлку пробирается тайком,
Где на пути вмерзает в землю Съезжая,
Прикрывшись омертвелым ивняком.
Крутя хвостом, на пне сорока бойкая
Разносит на четыре стороны,
Что глупой и преступной перестройкою
Края родные сплошь разорены.
Под Шишкой отдыхает вьюга хлёсткая -
Готова снова ринуться в поход.
Картина родины совсем неброская,
Но сердце вынимает на испод.

* * *

Ни мороза, ни метели -
Непонятная зима.
Стёжка падает под ели
С крутолобого холма.
Под холмом дымят избушки,
Бойко вёдрами звеня.
У оттаявшей речушки
Суется ребятня.
Солнце звонко на деревья
Теплоту ручьями льёт.
А петух на полдеревни
Торжествующе поёт.
В переводе это значит -
В феврале не будет вьюг.
А точнее, не иначе, -
Что зиме пришел каюк.

ВЕРБЫ

На моей родительской земле
Вербы распушились в феврале.
Не было такого никогда -
В феврале обычно холода.
Да ещё какие, Боже мой! -
Даль рыдала взвихренной пургой.
Причитала вдовушкой труба,
В щепки превращалась городьба...
Даже не представить. А теперь -
Я в весну распахиваю дверь!
Прочь с пути уныние и мрак, -
Едем, друг, в Берёзовый овраг!
Живы ли берёзки, поглядим, -
Нами край отеческий любим.
В первый раз на родине с тобой
Встретились, представь себе, зимой!
Потому зима без сквозняков
Радуетя встрече земляков.
Синью прополаскивает день
Солнце по округам деревень.
Потому природа нам с тобой
Обернула зимушку весной.
И, как в дар, на дедовской земле
Распушила вербы в феврале.

* * *

От зимы оттаяла округа.
Май озвучил кронами леса.
Застит одуванчиковой вьюгой
Синие, конечно, небеса.
Сквозь камыш кувшинка проявилась,
Зашипела шустрая волна...
За год ничего не изменилось,
Если б не кавказская война!

ТЕТРАДИ СТАРЫЕ...

Тетради старые, блокноты -
Наверно, строк не сосчитать,
В которых есть благое что-то,
Но тяжело прошлое листать.
Оно ушло и, слава Богу,
О прошлом, стало быть, забудь.
Пора готовиться в дорогу,
Как говорят, в последний путь.
А там земное всё не нужно,
Тогда к чему его беречь?
Не потому ли ночью выюжной
Бумажный хлам швыряю в печь?!

СЛОВА

Бывают всякие слова:
Одни - сухие, как в овинах
Под осень позднюю трава.
Бывают сладкие слова,
Другие - горькие, как хина.
А есть - способные убить,
Больную душу покалечить...
Люблю слова, которым - быть,
Которым вечно жизнь любить -
Они, как подорожник, лечат.
С любой справятся бедой,
Счастливей с ними путь-дорога.
Они не только красотой,
Они лучатся добротой,
Слова, которые от Бога.

* * *

Любого били и ругали,
Кто брался дерзко за перо.
Порой в глазах темнели дали,
Когда злодей чернил добро.
Когда доносчики строчили
Очередной в миру донос,
Казалось, ландыши почили
И слёзы капали с берёз.
Но всё ж, собрав остаток силы,
Рубцуя душу, вдаль шагал.
Лечил себя тропею синей
Среди степей, лесов и скал.
Махрою грелся да кострами
В кругу с таёжною братвой.
Котомка наполнилась стихами
Под хвойный ветер гулевой.
В строках дышали ветровалы,
Дышали вольно сказ и быль.
Поэт вернулся разудалым,
Совсем не тем, каким он был.
Колючей буйного Борея
Дохнул на город с высоты,
Да так запел, что все злодеи
Закрыли пакостные рты!

* * *

Март капелью откалякал -
Гул весенний на селе.
Сани встали, как на якорь,
На оттаявшей земле.
И почти не видно снега.
Только шум издалека, -
Как с горы летит телега,
Так ломает лёд река.

АПРЕЛЬ

Из-за тридевять земель
Заявился к нам апрель.
Тучи сбросил за бугром -
Синь забрызгала кругом.
День в сосульки посвистел -
Двор от снега опустел.
Одолев нелёгкий кросс,
Оказался у берёз.
Ветки-рёбрышки считал,
Щекотал да хохотал.
Крепко всех расцеловал,
В белы ноженьки упал.
Прожурчал ручьём слова -
И поклонулась листва.
Пробежал из края в край -
Превратился в месяц май!

ПОЛОВОДЬЕ

Половодье кручу подмывает -
Падают в пучину дерева,
Жизнь на полувздохе обрывая,
Превращая медленно в дрова.
Следом за какие-то мгновенья
И другие сгнули вдали.
Словно жилы, выдраны коренья,
С криком кроны взмыли от земли...
А стихия? Не стихия рушит,
Если под рулады соловья
Сам Господь решил живые души
Вычеркнуть из книги бытия.

* * *

На деревьях гнёзда, как фуражки,
Ждут хозяев. Стужа позади.
Снег остался только по овражкам,
Да и то расплачется, гляди.
Солнце из-за тучи взгляды мечет -
С каждым разом взгляды горячей.
Не спеша, подснежники под вечер
Зажигают тысячи свечей.
Вот уже расплакались овражки.
Синевою обернулась высь.
Гомоном озвучены фуражки -
Видимо, хозяев дождались.

ОДУВАНЧИК

Снег растаял. И солнце пригрело.
Закудрявился травами дол.
Жаворонками лето взлетело -
Одуванчик, как солнце, зацвёл.
По-ребячьи смеялся, коль ветер
С ивняками пускался в разгул.
И, признаться, почти не заметил,
Как пушистые щёки надул...

* * *

Не сетуй, что житейский холод
Все чаще душу леденит,
Что мир неправдою расколот,
Как неудачами пиит.
Не торопись списать на старость
Крутые промахи судьбы,
Скорбеть о том, что не осталось
Твоей родительской избы.
Не раскисай, прошу, дружище,
Не лезь кручинушке в полон.
Бывает ветер ох как свищет! -
И то приходит в утомон.
А для чего? Чтоб отдышаться,
В глаза ромашкам заглянуть.
От пашен силушки набраться,
И вновь себя забросить в путь.
К чему клоню? Да всё к тому же!
Тревожусь, видимо, не зря:
Не утонуть бы в тихой луже,
Когда вдали штормят моря!

АКАЦИЯ

Напившись вдоволь вешнего тепла,
И наигравшись с вольными ветрами,
Акация у дома отцвела,
Завесилась зелеными стручками.
Глядит листвой с надеждой в высоту:
Вот-вот дождями тучка обернётся.
И в этот год акацию в цвету
Увидеть мне, уж точно, не придётся.
Но никому не ставлю я в вину.
Дела и время - не переиначить.
Я опоздал на целую весну,
А это в жизни что-нибудь, да значит.

* * *

Весна, как брага, забродила,
Куражась, пенясь и журча.
Из дальних странствий возвратила
Лесам и пажитям грача.
Пыхтят, напыжившись, овраги,
Сугробы сбрасывая с плеч.
И обнажаются коряги,
И тальники ветвями свеч.
Мне только б радоваться впору,
Да нету радости уже.
Не одолеть крутую гору
На предпоследнем рубеже.
А время спешно дни листает:
Давно снесён отцовский дом,
И круг друзей угрюмо тает,
Как снег апрельский за окном.

ТИШИНА

Простыней, халатов белизна.
Шепчутся за столиком медсёстры.
Полумрак. Лекарства запах острый.
Кажется, покой и тишина.
Но внезапно выплеснется крик,
Как из моря взбешенные воды:
В пятой задыхается старик,
Дайте поскорее кислорода!
Врач со смертью выиграл войну.
Вновь больные смолкли до побудки.
Не могу уснуть вторые сутки -
Я не верю в эту тишину!

* * *

От суховеев листья у ветлы
Повисли, будто уши у дворняги.
А небеса по-прежнему светлы,
Светлей мелованной бумаги.
Но всё ж дождались - вылупился дождь.
По стёжкам побежал, по бездорожью...
Да разве человека в жизнь вернёшь,
Когда лежит на смертном ложе?..

* * *

Человек на предсмертной дороге.
Тихо-тихо уходит в ночь.
Люди в белых халатах не боги,
И не могут ему помочь.
Отлетела душа незаметно,
Будто век не была она.
И застыло в глазах безответных:
«А пугали, что смерть страшна».

* * *

Я радости панически боюсь,
Почти неважно при какой погоде.
Ведь после радости совсем не грусть,
А горе настоящее приходит,
С которым мне не справиться, увы!
Друзей бессильно доброе участие,
Когда летит не волос с головы,
А сердце разрывается на части.

СЫНУ

Мой славный сын,
Мой мальчик добрый,
Моя судьба, мои крыла.
Не плачь, когда, как тать, под ребра
Ударит жизнь из-под угла.
Терпи, хоть свалишься от боли,
Хоть перехватит дух - терпи.
Не будь один в крутой юдоли, -
Как суховой в пустой степи.
Не вешать нос, не затеряться,
Не захлебнуться в кабаках -
За честь и совесть надо драться
На митинговых сквозняках.
Для битвы есть бывшее средство,
Я смело утверждать берусь:
Оставляю я тебе в наследство
Святую дедовскую Русь.
Она спасёт и в жутком споре,
А сшибки будут впереди,
Она спасёт и в тяжком горе,
Лишь ты её не подведи.

АВГУСТ

Племяннице Любви

Прекрасен август в знойном поле,
Когда одаривает нас
Езгатым хлебом, синей волей
И далью, радующей глаз,
Где суется мышь-полёвка
И суслик радужно свистит.
А вдоль Иргиза - Августовка,
Село старинное стоит.
Деревья горбятся в поклоне
От разрумяненных плодов.
Зовут вечерние гармонии
Под сень раскидистых садов.
И стёжка лунная струится,
В полон старается забрать.
О, счастье в августе родиться
И свадьбу в августе сыграть!
А значит - в жизни год от года
Богаче быть и проще быть.
Быть щедрым, как сама природа:
Трудиться, радовать, любить!

ЗВУЧИТ В КВАРТИРЕ ПИАНИНО

Дочери Наталье

Звучит в квартире пианино -
Мне мил и дорог этот миг -
И снова я дышу былиной
Среди полей и сёл родных,
От сквозняков дрожат и ветки,
И васильки в полоне ржи.
Отсенокосив, тихо предки
Поют сердечно у межи.
Над полем песня зависает,
Как жаворонковая трель.
Потом внезапно воскресает -
Слышать за тридевять земель.
В ней откровения и тайны,
Ржаная даль и васильки.
И вылетают звуки стаяй
Из-под девчоночьей руки.
Звучит в квартире пианино,
Даруя радость мне и грусть,
В которых волжская равнина,
Тайга закамская и Русь.

НЯШИНО

До капельки небо раскрашено
Есенинской голубизной.
Просвечена станция Няшино
Берёзами, солнцем, травой.
Под ноги дороженька падает,
Блуждая меж знойных хлебов.
И даль по-отечески радует
Кипением буйных садов.
И видится родина близкая,
И слышится русская речь.
О, как бы всё это российское
Для добрых потомков сберечь!

СЧАСТЛИВАЯ ДОЛЯ

А. Пономареву

Среди берёзок побелённых
В роскошных травах и кустах
Лучится мир светло-зелёный
В заздравных гимнах малых птах.
Скользя под звонкой синевою,
Беспечно коршун дали пьёт.
А полдень
 то пахнёт листвою,
То рожью исподволь пахнёт.
Под кручей омут отзовется
Летящим шумом камыша.
На вдохе трепетно зайдётся,
Как песня вольная, душа.
Счастливой выпала нам доля
Под этим небом петь и жить.
Берёзкой тонкой, хлебным полем,
Землёю русской дорожить!

КОВЫЛИ

Во времена бессонницы крошечной
Меня в ночи спасают ковыли,
Моей степной, от ветра безутешной,
Родной заволжской Матери-земли.
Прошелестят былинные сказанья,
Молитвы светозарные споют -
И прочь с пути душевные терзанья,
Становится уютом неуют.
Глухая ночь, поддавшись буйной вьюге,
Рассветом замаячится вдали.
Заверит ангел, что в степной округе
Меня ещё дождутся ковыли.

* * *

По юности во сне и наяву
Просверливал очами синеву.
Легко оставив дедовский порог,
Умчался вдаль за тысячи дорог.
И горьким был, и радужным бывал,
И душу разрывал девятый вал.
По старости во сне и наяву
Бросаю взгляд в пожухлую листву.
Травою полумёртвой шевеля,
Притягивает отчая земля.
А мысль до обнажённости проста,
Что не уйти от смертного креста.

* * *

Степь - не только вётлы да ковыль,

И не только засуха да жито.

Степь - легенда, выросшая в быль,

Радостью и горем перевита.

Через край судьбинушки хлебнёшь -

И согласишься непременно в это.

Рожью колосистой будет рожь.

Летом будет солнечное лето.

Похоронишь сказки под ветлой,

Встанешь на колени пред равниной -

И земля предстанет и землёй,

И твоей извечной домовиной.

* * *

Год за годом летят быстрокрыло.
Превращается в осень весна.
То, что в детстве и в юности было,
А сегодня уже - старина.
Только мы согласиться не можем,
Спорим в мире жестоких страстей:
За бездарность политиков гложем
От своих до кремлёвских властей.
Что кипеть, седовласые други,
Не пора ли давно откипеть?
Даже лес молодой по округе,
Да и то норовит облететь.
Зря тревожить заблудшие души,
И к тому же обманные сплошь.
А не лучше ль в полночи слушать,
Хоть, увы, отзвеневшую рожь?
Встанет солнце. Засветится поле.
На ветру всколыхнётся река.
Удивитесь, возрадуйтесь вволю,
Что ещё вы живёте пока.

* * *

Владимиру Алексееву

Что, уходя, оставишь, человек,
Своим потомкам в вечное владенье?
Речник - величие российских рек,
Учёный - превеликое творенье.
Садовник им оставит деревья,
А плотник - дом, как повелось издревле.
Поэт, мыслитель - мудрые слова...
И только хлебороб оставит землю!

* * *

Пока над степью коршуны кружат,
Крылом упругим рассекая тучи,
Пока в озёрах лилии дрожат
Под ветром искромётным и колючим, -
Мы будем жить и даже в будни петь,
Шагая вдаль с наполненной котомкой.
Но только б Родине помочь успеть
Великой стать для праведных потомков.

СОДЕРЖАНИЕ

«Сердешный поэт»	5
Заволжье	9
Родине	11
«О, Родина!»	12
Зови к себе, родимая земля!	13
Истоки	14
С юбилеем, родное село!	15
На родной земле	17
«По левую сторону - поле»	18
«Мне в спину солнце...»	19
Крестьянский род	20
История	21
Ковыльные холмы	22
Русь	23
Вещая река	24
Полюд	25
Ныробский узник	28
Над Чердынью чёрные тучи	30
Правда	31
Ковыль	32
Не допусти, Господь	33
Ветеран	34
Тётушка Тоня	36
Однофамилец	39
Вдова	41
Я приеду	42
Ушёл солдат	44
Последний лист	45
«Война убила сыновей...»	47

Обелиск	48
«Ложится снег...»	49
Притяжение	50
Сломался автобус	52
«Людей в пассажирском...»	53
Вокзал	54
Лебеда	55
Под Ежовским курганом	56
Раковка	58
Деревня умирает	59
Русский человек	60
Мужик	61
«Державу по живому режем...»	62
«За Родину...»	63
Ах, Русь!	64
Воину Афгана и Чечни	65
Баренцево море	67
«За Корнеевкою, на пруду...»	68
Крутится Земля	69
Ах, Родина, что же случилось?	70
Во сне	72
«О, как Господь...»	73
Сердца друзей	74
Меня зовет Берёзовый овраг	75
Мне с вами радужно, друзья	76
Берёзовый овраг	77
Шесть берёз	79
Зов	80
Виденье	81
Иван Тонких	83
Маринин сад	85

Спасенье	87
«Бессильны сшибка...»	89
«Не получится встречи короткой...»	90
Предгрозе	92
«Едва свалилась в речку туча...»	93
Прости нас, Мать - сыра земля.	94
Мрак	95
Лгица	96
Сон	97
«Свистел и плакал бедолага-ветер...»	98
Вспоминаю	99
Изба	100
Сказки Пушкина	101
«Саманная избушка...»	103
Памяти отца	104
«Проливные дожди...»	106
Ребята ехали в Артек	107
Памяти друга	108
Задохнулся баян	110
«Из заволжского села...»	111
Жив ты сердцу моему	113
«Снега бросает ветер бойкий...»	115
«Сердце сжалось от боли...»	116
«Что ж ты, ветер, гудишь...»	118
«Кто был любим...»	119
Смерть	120
Бессмертие	121
«Туча виснет над дорогой...»	122
«Где-то смеётся июнь...»	123
В пути жара	124
«Когда дорога...»	125

Дерево	126
«Разлохматив шустро кроны...»	127
«Пока в тебе и лес, и поле...»	128
Застолье	129
Радость	131
Июнь	132
Плен	133
«Позабыл недуги...»	134
«Дышу полынью...»	135
«Ковыль отбуйнил...»	136
«Закат. Безмолвие...»	137
Предутренняя степь	138
Жаворонок	139
Коршун	140
Тишь	141
«Протекает солнце...»	142
«Дремлет запад...»	143
Отрада	144
«Тропинка. Таволга...»	145
Наедине с природой	146
«Чайка зною не подвластна...»	148
И никто не удивится	149
Гость	150
Студенческие вирши	152
«Зазвенели струны...»	154
Мальчишник	155
«Знакомо всё...»	158
Зарастает тропочка	159
Я пойду другою стёжкой	160
Если милый попросит руки	161
Поёт душа	163

Не беда, что мне под тридцать	165
По селу хожу с баяном	166
«Когда завесят мир дожди...»	167
«До сих пор...»	168
«В минуты грусти...»	169
Соловей	170
«Ты всегда при народе...»	171
«Село и река вдалеке...»	173
Ненаглядная	174
Цветы для Тани	175
Мадонна	177
Февронья	179
«Вошла без вызова...»	181
«Нам идти бы...»	182
«Суди меня...»	183
«Ну что ж, уезжай...»	184
«Тебя всю жизнь...»	185
«Ох, как долго...»	186
«Я с тобою...»	187
Верность	188
Женщина прекрасная моя	189
Весна спешит	190
Нежность	191
Спасибо тебе	192
В автобусе	193
Поезда	195
Берёзки	196
Провожая молодость свою	197
В дороге	198
Богатство	199
Наследство	200

Пушкин	201
Дорога. 1830 г.	202
Полонский	204
Саврасов	206
Бунин	207
Дорога в заволжские степи	209
Толстой у Мухамеда	211
Отшельники	213
Скачки	215
Связь времён	217
Исцеление	219
Поэт Радкевич	221
Певец природы	223
Рябчатник	225
Остуда	226
Мазстро	228
Композитор-песенник	233
Трухин	234
«Ушёл в октябрьские дожди...»	236
Не представить России	238
Два художника	239
В музее	242
Возвращение к истокам	244
И жизни боль, и торжество	246
Евгению Шелонникову	247
Предостережение	248
«И чем талантливей поэт...»	250
Вымерзают твои декабри	251
«Вольнолюбивую ветлу...»	253
Озерцо	254
На отчем берегу	255

«Задохнулась речка...»	256
«Улетучилась жара...»	257
«Отквакали лягушки...»	258
Кувшинка	259
Ветра	260
«Утопает в лесу гора...»	261
«Свесились растрёпанные тучи...»	262
«Затишье,...»	263
Янычи. Лес	264
«В лесу грибов...»	265
По грибы	266
«Лес красив...»	268
«Вокруг дожди зависли...»	269
Сентябрь	270
«Опять среди высоких сосен...»	271
Похолоданье	272
«Над селом...»	273
«Обычно в мире...»	274
«Дождь...»	275
«Перед уходом...»	276
«И снова степь...»	277
«Календарь зимы не объявил...»	278
«Из-за дали...»	279
Холода	280
«Берёзы в сугробах...»	281
Новогодье	282
«Пургой завешано...»	283
Свет зимы	284
Белая песня	285
«Февраль...»	286
Зимой на родине	287
«Ох, и далёконько...»	288

«Зима. Равнина...»	289
«Ни мороза, ни метели....»	290
Вербы	291
«От зимы оттаяла округа...»	292
Тетради старые	293
Слова	294
«Любого били...»	295
«Март капелью...»	296
Апрель	297
Половодье	298
«На деревьях...»	299
Одуванчик	300
«Не сетуй...»	301
Акация	302
«Весна...»	303
Тишина	304
«Начало дня...»	305
«От суховеев...»	306
«Человек...»	307
«Я радости...»	308
Сыну	309
Август	310
Звучит в квартире пианино	311
Няшино	312
Счастливая доля	313
Ковыли	314
«По юности...»	315
«Степь - не только...»	316
«Год за годом...»	317
«Что, уходя, оставишь...»	318
«Пока над степью...»	319

Литературно-художественное издание

ВОСТРИКОВ

Федор Сергеевич

БЕРЕЗОВЫЙ ОВРАГ

Стихотворения

Выпуск 2000 г.

Спонсор: фирма «Надежда»

Директор Л. Я. Кузнецов

Технический редактор В. П. Говязин

Корректор Т. А. Латышева

Компьютерная верстка М. В. Струков

Филиал «Полиграфист» МП ПГГС

г. Пермь, ул. Деревообделочная, 8

Тел. (3422) 29-34-14, факс (3422) 62-23-10

Тираж 1000 экз. Заказ № 2418